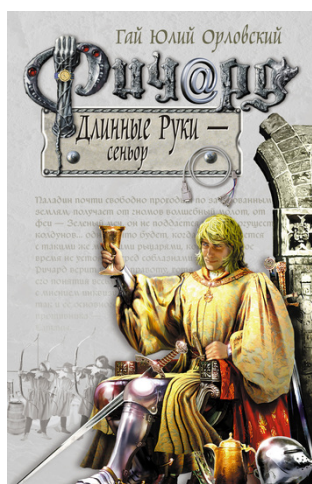

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки – сеньор
Серия «Ричард Длинные Руки», книга 4

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120544
Ричард Длинные Руки – сеньор: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-07481-3*

Аннотация

Паладин почти свободно проходит по зачарованным землям, получает от гномов волшебный молот, от феи – Зеленый меч, он не поддается чарам могущественных колдунов... однако что будет, когда он столкнется с такими же могучими рыцарями, которые в свое время не устояли перед соблазнами Дьявола?

Ричард верит в свою правоту, хотя его понятия весьма расходятся как с мнением инквизиции, так и ее основного противника – Сатаны.

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	48
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки – сеньор
Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Часть 1

Глава 1

На зиму река скрылась под надежный рыцарский панцирь из толстого льда. Из окна моей комнаты видны застывшие деревья в белых плащах с надвинутыми на лица капюшонами. Вон стая серых волков вышла на пригорок, принюхивается к деревенским дымкам, теплым запахам хлеба, конюшни.

Звонко и гулко стучит дятел. Дерево за ночь промерзло, звон таков, словно бьют по огромному хрустальному бокалу. Дятел – это такая птица с красной головкой, я его еще не видел, но знаю с полсотни анекдотов, шуточек, приколов, афоризмов, намеков и прочей дряни, что очень легко ссыпается в череп и занимает столько места, что нет уголка для дифференциального исчисления.

Промелькнула рыжей молнией белка, в лапах крупное, похожее на картофелину. Впрочем, картофеля здесь нет, как и помидоров или кукурузы, Колумб еще не плавал, или не ходил по морю, как обидчиво поправляют моряки, плавает, по их мнению, обязательно что-то нехорошее, а они, видите ли, только ходют.

Сумрак подкрадывается очень медленно, закат уже с полдня кровянит небо, а с земли такими же застывшими каплями крови блестят гроздья рябины. Провисели всю зиму, но птицы летят мимо, где-то надыбали вкуснее. Хотя кто знает, что тут за птицы.

За окном могуче грохнуло, вот бы затряслись стекла и оконные рамы, если бы здесь были. Я подпрыгнул: откуда пушки?

От стола отец Дитрих сказал мирно, дивясь моему испугу:

– Лед вскрыло.

– С таким грохотом, – пробормотал я. – Простите, святой отец.

Он сидит свободно в легком кресле, в тонких изящных пальцах поворачивается медная чаша, выкованная молотком кузнеца, но здесь это верх изящной работы. Прищуренные глаза священника внимательно следят за каждым моим движением.

– Сэр Ричард, из каких вы стран?.. Ледяной панцирь всегда так... потом в ушах звенит. Отец Епифант как-то оказался на берегу, когда вот так вскрылось, так на сутки оглох. Да и вообще... руки тряслись неделю, а «Отче наш» не то что выговорить, даже вышептать дня три не мог. Не смейтесь, это не так весело!.. Идет мудрый и мирный человек по берегу замерзшей реки, как всю зиму, мыслит о Божественном, а тут совсем рядом ка-а-а-ак грохнет... Ладно, сэр Ричард, спасибо за хорошее вино, но я к вам, увы, как ни прискорбно, с пренеприятнейшим известием...

– К нам едет ревизор, – пробормотал я.

Он удивился:

– Откуда знаете?

– Да так, – сказал я в некотором замешательстве, – не пророк я, не пророк. Просто интуиция. А кто едет?

– Нунций Войтылла, у него самые широкие полномочия. Вообще-то известен как человек, который сжег шестьсот ведьм. А к нам, чтобы очистить от скверны, как говорит, ряды кордонников. Увы, мы на переднем краю борьбы со Злом, а оно принимает разные формы. Бывает, в самом деле заползает даже в ряды монашеской братии.

Я спросил медленно, уже догадываясь о некоторых неприятных последствиях визита отца Дитриха:

– Хотите сказать, что меня коснется тоже?

Он вздохнул, развел руками.

– Я бы хотел, чтобы этого не случилось. Но Войтылла склонен совать нос всюду, проверять и перепроверять. Он обязательно прицепится к вам! Обязательно. Ведь достаточно заглянуть в это ваше жилище...

Я огляделся по сторонам.

– А что в нем не так?

Вообще-то я понимал, что не так: без мощного компа вообще не жилье, да чтоб выделенка, плазменный или жидкокристаллический монитор на стене, всякая привычная ерунда, вроде дивидишника, но, похоже, отец Дитрих имеет в виду нечто иное.

– Вот видите, – сказал он с укором, – вы даже не замечаете, что у вас в жилье нет атрибутов святой церкви.

– Ах, икон? – спохватился я. – Ну... гм... я ж говорил, для настоящего христианина церковь должна быть не из бревен или камней, а из ребер.

– Да? – спросил он. – А кто в ней служит мессу, не дьявол ли? Такие вещи должны быть и на виду! Не полностью, но люди должны сразу видеть, на чьей вы стороне.

– Согласен, согласен, – ответил я. – А то у нас петлюровцам приходилось требовать от встреченных, дабы перекрестились, а это нехорошо, нужны опознавательные знаки. Как в армии. И что вы придумали?

Он усмехнулся, глядя мне в глаза, покачал головой.

– Уже догадываетесь, что мы над этим думали?

– Ну да, вы же инквизиция!

– У вас в самом деле... интуиция. Вообще-то интуиция – дар Божий. Наука и многознание могут завести в бездну, а вот чувство нашего происхождения из рук Господа – предостережет от дурных поступков. Как вы знаете, святейшая инквизиция большинством голосов... не скажу что абсолютным, но все же большинством, оправдала вас. Как и ваши деяния. Мы не знаем все ваши поступки, вот только вчера отец Павлиний высказал мысль, что ваше возвращение в Зорр и очищение его от смердящих летучих мышей как-то связаны. Молчите?... Ладно, не буду настаивать. Творцу скромность угодна, хотя чаще всего скромность – одно из проявлений силы и даже гордыни, здесь мы с дьяволом деремся на очень узком поле... Церковь лишь приводит желания Творца в действие. Сегодня мы наконец пришли к единому мнению, что вам надо на время приезда нунция побыть вне Зорра. Большинство предлагает вам съездить в Срединные Королевства, навестить родных, показаться рыцарем. Пусть местные узрят, что честное и бестрепетное служение церкви... а также королю вознаграждается сторицей.

Я подумал, оценил, поинтересовался:

– А что предложило меньшинство?

– В меньшинстве был один только отец Елифантий. Он предложил вам совершить поездку на юг, есть у нас одно приметное место.

Я подумал для приличия, кивнул.

– Я предпочитаю это приметное место.

Он пристально смотрел мне в глаза. Бледные бескровные губы чуть тронула усмешка.

– Мы так и подумали, что предпочтете именно это. Отец Елифантий сказал, что сразу схватитесь за это предложение, а я сказал, что для приличия немного подумаете, подвигаете бровями, поморщите лоб... Нет-нет, я не буду спрашивать, почему не хотите в Срединные Королевства...

Я пригубил вино, ответил спокойно:

– Разве было сказано, что не хочу? Просто в причинное... э-э... приметное место хочу больше.

– Хорошо, – сказал он. – Будем считать, что туда предпочитаете больше.

– Не «будем считать», – возразил я мягко, – а предпочитаю. А то, простите, в вашей трактовке таилось нечто слегка двусмысленное. Самую малость, но все же...

Он заметил спокойно:

– А вы не простолюдин, сэр Ричард. И никогда им не были.

– Вы не поверите, отец, – ответил я с некоторой грустью, – в моей стране простолюдины иной раз... просвещеннее, чем здесь короли. И богаче.

Он кивнул, голос прозвучал спокойно:

– Но простолюдины везде простолюдины. А вот люди благородного сословия... Можно купаться в золоте и быть нищим простолюдином, как иные купцы или ростовщики. Вы не согласны?.. Итак, отец Епифантий вспомнил о славном рыцаре Галантларе... Это был величайший воин, в силе и доблести спорил с Ланселотом, учтивостью превосходил Галахада, а в чистоте помыслов мог потягаться с нашими святыми отцами. Его всегда тянуло на юг...

Он сделал паузу, я пробормотал:

– Понимаю. В смысле, жажда подвигов, то да се...

– Да, Зло концентрируется на юге, – согласился отец Дитрих. – Иные отцы церкви даже говорят, что там и зародилось, но это спорно, спорно и ведет к опасным выводам. Словом, доблестный сэр Галантлар стремился переломить копье о грудь самого дьявола. А потом скрестить с ним меч...

– И что же случилось? Погиб?

Отец Дитрих покачал головой.

– Представьте себе, нет. Сумел пройти на юг настолько далеко, как никто из христианских рыцарей. Побивал Зло, восстанавливал справедливость, защищал вдов и сирот, рубил драконов и черных рыцарей смерти, наконец достиг одной из обителей Зла, крепости могучего колдуна. Тот в своих владениях поклонялся дьяволу, приносил кровавые жертвы... Вы не поверите, сэр Ричард, но сэр Галантлар в сопровождении всего одного оруженосца сумел одолеть врага!

– Да, – согласился я осторожно, – вот что значит святость благородного дела.

Он хмыкнул, зыркнул на меня искоса, но я смотрю чистыми невинными глазами.

– Сэр Галантлар, – продолжил он, – захватил замок колдуна. Старинный замок, переполнен старинными реликвиями... Сэр Галантлар спешно отослал обратно оруженосца, тот и рассказал все. Но, увы, мы не успели послать священников, в наши земли вторглись войска Аносия Кровавые Ножны, потом короля Карла, а теперь те земли кишат бандами разбойников. Святых отцов пришлось бы сопровождать большому отряду, а у нас каждый воин на счету.

Мое сердце стучало часто, сильно, я едва сумел выговорить, стараясь голос держать ровным:

– Что от меня требуется?

– Не очень много, но дело достаточно трудное...

– Нужно проверить дорогу?

– Да, сэр Ричард. Надеюсь, сумеете достичь его крепости живым, а если на то будет воля Господа, то и невредимым.

– Я тоже в этом заинтересован, святой отец, – пробормотал я. – Такой уж я меркантильный человек.

Он скупно улыбнулся.

– Сэру Галантлару передайте наше благословение. Сообщите, вот-вот отправим к нему двух-трех святых отцов. Думаю, к вашему возвращению папский нунций уже вернется в Срединные Королевства.

– Спасибо, отец Дитрих!

– Не за что, – ответил он сухо, было видно, что эта часть разговора ему неприятна. – Это зависит не от меня, к сожалению.

– Правят из столицы, – согласился я. – Так везде и всюду. Но вообще-то это правильно, хотя окраины с этим не согласны.

Он вскинул брови, долго всматривался в меня запавшими глазами.

– Вы удивительно зрело смотрите на вещи, сэр Ричард. Не могу понять, сколько вам лет под такой юной внешностью... Да, мы здесь, в пограничье, по-другому смотрим на вещи. Вы только что сказали, что церковь должна быть не из камней или бревен, а из ребер... Мы это понимаем, но этот нунций из Срединных Королевств, боюсь, предпочитает более заметные доказательства приверженности. Есть церковь у человека в сердце или нет, сразу не заметишь, а что распятия у вас в доме днем с огнем – это как? Ни в спальне, ни в столовой... Вы хоть одну молитву знаете?

Я усмехнулся, прямо посмотрел ему в глаза.

– А вдруг я, как те два отшельника на острове?

Дитрих ответил таким же прямым взглядом, промолчал, обдумывая ответ. На прошлой неделе пилигримы рассказали в Зорре историю, как один ревностный епископ объезжал с миссионерской миссией пограничье и запограничье, сеял Слово Божье, учил молитвам, объяснял правила причастия, а ему рассказали местные, что поблизости на диком островке, где ничего не растет, уединились двое отшельников, проводят время в молитвах и размышлениях. Он сел в лодку, погреб к островку, отыскал обоих, одобрил их служение Господу, но ужаснулся, что старики так и не выучили ни одной молитвы. Остался с ними на три дня, учил, они добросовестно повторяли, но память уже не та, снова забывали, и он снова и снова учил, пока не запомнили. Наконец сел в лодку и погреб обратно. И вдруг видит: бегут вдогонку по воде, аки посуху оба, даже подошвы не замочили, машут ему. Он остановился, добежали, упали на колени и взмолились: «Отец, забыли мы, как молитва-то начинается!» Тут уж епископ сам им поклонился и в страхе Божьем признал, что их святость неизмеримо выше...

После паузы отец Дитрих сказал мягко, в церковно-увещательном тоне:

– В упорядоченном обществе все должно быть упорядочено. Случай с отшельниками мог быть только на пограничье, где еще не установились правила, обряды... А в обществе с детства учат, как надо и что надо. Нунций прибывает из мира, где пониманию учения Христа, как и обрядам, учат с колыбели... Там каждый ребенок, садясь за стол, скажет благодарственную молитву. А вы хоть пару слов из нее знаете?

Я широко улыбнулся.

– А на фиг Господу мои молитвы?

Он покачал головой, лицо было печальным и серьезным.

– Молитвы не Богу нужны, а самим молящимся. Все-таки вы, сэр Ричард, уже паладин, что явилось, как догадываетесь, и для нас совершеннейшей неожиданностью. Если честно, наша церковь поступок наших братьев-монахов не одобрила, хоть и... поняла. Но, в любом случае, что сделано, то сделано. Вы – паладин, а это, знаете ли, обязывает.

Я стиснул зубы. Даже чертово рыцарство привалило нежданно-негаданно, а после нашего с сэром Гендельсеном рейда в Кернел тамошние настоятели монастыря ввели меня в сан паладина. Или в чин. Или присвоили звание. Для меня слово «рыцарь» было лишь обозначением сословия, как купец, банкир или предприниматель, я жил в эпоху, когда каждый сопляк – стыдно признаться, полгода тому я тоже был им, – постоянно разоблачает и разоблачает всех и вся, испытывая гнусенькую радость, что и остальные, оказывается, писают и какают, как и я, даже самые великие и умные, тоже писают и какают, и что все эти рыцари на самом деле были тупыми и злыми дураками, а в крестовые походы шли только с целью пограбить, понасиловать, что все рыцари – клятвопреступники...

Здесь, в Зорре, увидел, что высочайшая мораль рыцарей – норма, само собой разумеющееся. Конечно, всегда найдется ублюдок, который сочтет, что куда выгоднее насрать на эту мораль, выгоднее украсть, сподличать, нарушить клятву верности, но другим рыцарям, королям, герцогам нужны сотоварищи верные и честные, на которых можно положиться, чьи клятвы обязательны, кто не ударит в спину, не предаст, кто верность и честь ставит выше каких-то материальных выгод. Но я жил в мире, где всякая мразь не в состоянии вылезти из мрази, но, понимая, что она, мразь, все-таки мразь, старается обгадить и опошлить все, до чего может домразиться. И тем самым, не умея подняться из мрази, она старается омразить сверкающие вершины, омразить и принизить до своего мразевого уровня. Потому у нее, мрази, нет людей, что делают что-то во имя идеалов, а все только по Фрейду, только по учебникам рыночной экономики, когда продавай и предавай всех, ничего святого нет, да и не было, все эти подвиги прошлого – выдумка, потому я, мол, вовсе не мразь, а нормальный и приличный член общества, ибо то, что считалось в дикие времена подлостью, в наше цивилизованное время просто узаконенная моралью рыночная конкуренция...

Но я читал свидетельства очевидцев еще моей истории, как в 1291-м тамплиеры героически обороняли Акру, чтобы жители успели сесть на корабли, как семьсот рыцарей ринулись на восемьсот тысяч сарацин и опрокинули, обратили в бегство, как героически тамплиеры и тевтонцы сражались в кольце врагов и отказывались сдаваться в плен, как уносили тела товарищей с поля боя и несли через пустыню, под палящим солнцем, изнемогая от жажды, сами умирали, но отдавали последние капли воды раненым. Это были простые рыцари. Какой грабеж, их вели высокие идеалы. Но и это, как говорят в рекламе, еще не все, еще не вершина доблести. Есть рыцари из рыцарей, более высокая ступень – паладины. Даже в бою паладин стоит десятка обычных рыцарей, это я знал еще со школы. Паладинами становились там, в крестовых походах, где драться учились не на турнирах, а в жесточайших боях, паладины в плен не сдавались, знали, к ним пощады не будет, а сарацины их не просто убьют, а сперва искалечат, потом замучают насмерть.

Отец Дитрих сказал невесело:

– Все чаще поговаривают, что герцог Веллингберг и отец Антоний не разобрались в спешке...

Я промолчал, отец Дитрий прав. Крепость рыцарей-монахов доживала последние дни, но мы с Гендельсоном успели, успели в последний миг. И повернули колесо победы в нашу сторону. Монастырь был спасен, и настоятель под одобрение израненных паладинов прямо на обломках выбитых врагом врат посвятил меня в паладины. Ему просто в голову не могло прийти, что такой подвиг мог совершить не совсем... достойный паладинства.

– Да, – согласился я, – понимаю. Еще один камушек на чашу весов, чтобы не попадаться на глаза прелату. Или, как его, нунцию.

Он смотрел на меня мудрыми, грустными, понимающими глазами. В эпоху рыцарства Европа вдохновлялась подвигом неистового Роланда, лила слезы над его гибелью, тогда понимали прекрасно, почему в час гибели Роланд обращается к своей спате Дюрандаль, а не к возлюбленной невесте Альде, что ждала у окошка его возвращения. Это потом, когда дух рыцарства стал исчезать, поэты написали бы, что Роланд в час гибели говорил бы не о любимой Родине, а о любимой женщине. Не страдал бы, что погиб цвет рыцарства, а горевал бы, что не обнимет возлюбленную. Но тогда дух был высок, тогда «сперва думай о Родине, а потом – о себе». О короле Артура с его тупыми и самовлюбленными рыцарями и не вспоминали, для настоящих рыцарей то были всего лишь крепкие мужики в железе, зато в мое время о паладинстве уже забыли напрочь, вот тогда-то вспомнили эпоху короля Артура, ибо сам король и его герои для нас просты и понятны: дрались за добычу, умыкали чужих жен, а если и освобождали какую невинную девушку из лап людоеда, то опять же мотивы их поступков были проще и понятнее нам, простолюдинам третьего тысячелетия. И рыцарями

начали считать именно воинов короля Артура, хотя звания рыцарей, по сути, достоин один лишь Галахад, мог бы считаться даже паладином, остальные же – крепкие мужики в доспехах и с мечами, что не просто думали сперва о себе, а потом о Родине, вообще ни о какой родине не думали и не знали такого понятия.

Перед моим взором проплыли картинки прошлого, я ответил со вздохом:

– Вы правы, отец Дитрих. Какой из меня паладин... Когда собираться?

– Лучше не затягивайте, – ответил и посмотрел мне в глаза. – На рассвете вас устроит?

Что делать, сэр Ричард, сильному воину Господа – ноша по плечу!

– Большой груз, – огрызнулся я, – везет не самый сильный, а самый тупой верблюд.

Утром я проснулся, щурясь, комната залита светом, как будто над Зорром засияло два или три солнца. За окном свист, треск, а когда выглянул, обомлел: черные проталины, где вчера был снег, пригорки похожи на зеленые щетки: жесткая торопливая трава выползает так же спешно, как лезли зубы кадмового дракона, посеянного Язоном.

От пригорков пар, впадинкам тепла достается меньше, там травы еще нет, блестят грязные льдинки, но и те истаивают буквально на глазах. Птицы подняли неистовый щебет, стараются перекричать друг друга. Вдоль подоконника пробежал крупный муравей, посмотрел в мою сторону внимательно, сязки двигаются, старается понять, перепадет ли сегодня от меня угощение или придется искать и тащить перезимовавших мух, жуков, куколок, очень худых и жестких, иссохших, будто тоже старались попасть в святые и до неприличия морили себя голодом.

– Ого, – сказал я невольно по своему адресу. – Ни фиги себе спун!.. Ну не жаворонок я, не жаворонок!.. Я вообще-то еще тот гусь...

Сонный добрел до бадьи с водой в углу комнаты. Ударом кулака проломил тонкую корочку льда, плеснул в лицо, здесь так умываются и короли, если умываются, взвизгнул, не по мне это моржеество, поспешно оделся. В Средневековье феодалам помогают одеваться слуги, но я хоть и в феодализме, но пока еще не феодал, а так себе, подфеодалник, мужик с мечом и с доспехами, хотя и при золотых монетах, но ранг, ранг, ранг...

Когда спускался вниз, слуга почтительно доложил, что в прихожей дожидается сэр Сигизмунд. Я заглянул в приоткрытую дверь, он сидит у дверей, прямой и правильный, красивый рослый юноша, весь белокурый, с нежным, румяным, как у херувима, лицом, в чистых голубых глазах почтительное внимание.

Я приоткрыл дверь, Сигизмунд вздрогнул, увидел меня, вскочил, преисполненный готовности выполнять любые повеления сюзерена.

Я помахал рукой.

– Сэр Сигизмунд, не соблаговолите... эта... отзавтракать со мною?

Он поклонился.

– Сочту за честь, сэр Ричард!

Голос его оставался звонким и чистым, а сам выглядит свежим и чистым, как круто сваренное и очищенное от скорлупы яичко. Я вздохнул, сам я больше по утрам похож на свежий огурчик: такой же зеленый и в пупырышках, хотел его пропустить вперед, но здесь эту вежливость не поймут, я же сюзерен, а он этот, вассал, потому я задрал подбородок и широкими шагами прошествовал к столу.

Пока поглощали холодное мясо, на другом конце помещения сырое мясо жарилось на открытом огне, пеклось на углях. Запахи жареного плывут тяжелыми волнами, бьют в ноздри, заползают в уши, делают волосы жирными и липкими. Сэр Сигизмунд ел с аппетитом, покраснел, хотя дома наверняка позавтракал, глаза косятся на мои пальцы с удивлением, я то и дело, орудуя двумя ножами, один использовал как вилку, что здесь кажется диким и неестественным. Правда, я быстро отвык от привычного бесконтактного способа

– как легко опускаться! – и с удовольствием хватаю мясо руками, здесь так делают даже короли и нежные принцессы.

– Какие планы? – спросил я у Сигизмунда.

Он удивленно вскинул брови.

– Какие у меня могут быть планы?

– Ах да, – сказал я, в самом деле, какие планы могут быть у вассала, это значит, вся ответственность на мне, и если даже он сам кого-то прибьет или насильничает, вешать повешат меня. Ну, не то чтобы уж сразу вешать, но все-таки отвечаю я, как вышестоящее. – Вы счастливый человек, сэр Сигизмунд... Я сегодня отправляюсь на юг. Мне даже дали примерную карту. Все-таки я не тиран, вам предоставляю выбор.

Он посмотрел большими глазами, голос упал до шепота:

– Какой... выбор?

Я ответил тем же страшным шепотом, даже посмотрел по сторонам:

– Оставаться здесь... или ехать со мной.

Он с облегчением вздохнул, засмеялся.

– Вы все шутите!..

– Значит, едем, – подытожил я. – Чтобы ладить с ближними, нужно держаться от них подальше, а я собираюсь ладить и дальше. Так что завтракайте как следует, обедать нам, возможно, придется...

Его большие синие глаза округлились, спросил радостно:

– ...в раю?

Я поморщился.

– Торопитесь, мой дорогой сэр Сигизмунд! Легкие дороги ищите? Господу угодны те рыцари, что потрудились на ниве... гм... на ниве. Рай – это как на пенсию, надо заслуг побольше, чтобы даже в раю место дали получше! Думаете, все толпой сидят и на арфах тренькают? Нет, кого-то за особые заслуги и до пианины допускают! А то и вовсе – до рояля.

– Простите, сэр Ричард!

– Не за что, – ответил я мужественно, ибо мясо подали хорошо прожаренное, просто тает во рту, солнце светит ярко, весна, птички чирикают и вообще поют. – Жизнь прекрасна, что и удивительно! Мы им еще покажем!

Он подтвердил радостным голосом:

– Да, сэр, конечно! Но кому им?

– А всем, кто попадает на дороге!.. Чтоб не попадались! Рыцари мы или не рыцари?

– Да, – ответил он с неуверенностью, – да, мы рыцари...

С юмором у него туговато, не все Господь складывает в одну сумку, да и юморист из меня, если честно, не намного лучше, чем рыцарь-крестоносец.

Глава 2

Двор горит и плавится в лучах торопливого весеннего солнца. Воздух свеж, наполнен жадной жизнью, даже куры, что гребутся неподалеку от крыльца, квохчут громче, петух бросается на проходящих мимо людей, почему-то не отличая благородное сословие от простолудинов, отгоняет ревниво от своих кур, возле колодца группка смешливых девушек...

Вот умолкли, с любопытством повернулись в сторону молодого всадника в блестящих латах. Шлем он держит на сгибе левой руки, длинные белокурые волосы красиво падают на плечи, лицо юношеское, румяное, светится чистотой и детской непосредственностью. Сигизмунд завидел меня и вскинул руку в приветствии и подобии салюта вассалу сюзерену:

– Готов служить вам, сэр!

– Хорошо выглядишь, Сиг, – сказал я ему, как молодой женщине, и он, как женщина, зарделся и в то же время горделиво приосанился. Были бы зеркала, он смотрел бы только в них. – Сейчас и меня оденут...

Слуги начали выносить доспехи, а я с удовольствием рассматривал моего единственного вассала, однощитового рыцаря, как здесь говорят. Сигизмунд, как и я, в черных с головы до ног доспехах, хотя, конечно, черных в местном значении, так говорят о черной работе, т. е. в добротных доспехах, что не прошли никакой дополнительной обработки после кузницы и оружейной, всяких там полировок, вычеканивания гербов, узоров, девизов, вензелей и прочей трехмудии, металл тускло блестит сам по себе, прочная сталь, добротная...

Он выглядит сильным и ладным, ловким и поворотливым. У нас почему-то считают, что закованные в доспехи рыцари – что-то тяжелое и неповоротливое. Как только слышишь «рыцарь», сразу перед глазами стальной болван, что с железным лязгом рушится с коня и не может подняться. Карикатура, такого не бывает даже на рыцарских турнирах, где действительно облачаются в настоящие наковальни, чтобы защититься от страшного лобового удара. Даже на турнирах сбитые с коня вскакивают и хватаются за мечи, а для настоящего боя рыцари вовсе одеваются в легкие доспехи. К слову сказать, кирасиры носили доспехи намного тяжелее рыцарских, да и наш ОМОН таскает на себе побольше кэга, так что Сигизмунд, как и любой рыцарь, в состоянии не только с легкостью размахивать мечом, но и на скаку запрыгивать на коня, бежать какое-то время с ним наперегонки, кувыркнуться, избегая удара, вскочить на ноги и дать в зубы недрогнувшей рукой.

Меня поворачивали, я послушно поднимал руки, опускал, растопыривал. Сперва надели рубашку из полотна, потом вязаную, затем кольчугу, а потом соединили две половинки латного панциря. Плотные штаны из прочной кожи и сапоги на двойной подошве уже на мне, сапоги простые, без обязательных позолоченных рыцарских шпор, но мы – на Границе, да и принимали меня на поле боя, иначе во время сложной церемонии принятия в рыцари вообще бы загнулся. Да никто меня иначе и не принял бы...

Проводить пришли Ланселот и Асмер, только Рудольф с Бернардом с отрядом рыцарей чистили окрестности города от нечисти, с ними ушел и отец Совнарол. Ланселот придирчиво проверил, как на мне доспехи Арианта, подергал, сказал без улыбки:

– Я уж боялся, что дадут тебе доспехи святого Георгия!

– Свят, свят, – сказал я и чуть ли не впервые ощутил потребность перекреститься, сплунуть через левое плечо и сложить пальцы крестиком. – Только не это!

– Ага, признаешься?

– В чем?

Наши взгляды скрестились в безмолвной схватке. Лучший рыцарь королевства сразу невзлюбил меня, но так уж случилось, что несколько раз прикрывали друг другу спины,

даже спасали один другому шкуры, но это не мешает ему относиться ко мне с прежним подозрением.

– Что святые доспехи, – сказал он холодно, – будут жечь огнем твою нечестивую плоть, верно?

– Ответ неверен, – сказал я. – Попробуй еще с трех... тысяч раз. И все равно промахнешься.

Я с раздражением смотрел в его массивную нижнюю челюсть, как всегда надменно и вызывающе выдвинутую вперед. Сейчас я в хороших сапогах, с металлическими набойками на пятках и носках, так бы и двинул ногой в эту челюстину, да не достану в этих доспехах. Хотя, если честно, не достал бы и в тренировочном костюме. Да и то сказать, я треники надевал, лишь когда носил ведро к мусоропроводу.

Он проверил крепление перевязи меча за спиной, подергал, отступил.

– Если сам не потеряешь, – сказал он холодно, – ничего не соскочит.

– Спасибо, – ответил я. – Ты просто сама галантность. До чего же эти менестрели брехливые... Сколько ты им платишь?

Он надменно пропустил шпильку мимо ушей, а я подумал с ужасом, что он прав, доспехи святого Георгия могли бы заставить надеть на меня!.. Если епископ считает, что это меня как-то облагородило бы, склонило на их сторону, то жестоко ошибается. Мое поколение выработало иммунитет к любому давлению, будь это наглая реклама, пожелания правительства или комитетов по правам человека. Я бы, напротив, взялся творить все наперекор. На белое говорить черное, на черное – белое, а поступать тоже не так, как мне шептали бы доспехи...

Медленно приблизился Бернард, обнял, отодвинул на вытянутые руки. Крупное, иссеченное ветрами и солнцем лицо выглядело невеселым.

– Кто знает, – проговорил он, – встретимся ли?

– О чем речь? – удивился я. – Только и дело, что туды и сюды! Не успеешь чихнуть...

Он спросил серьезно:

– К Гендельсону зайти не хочешь?

Я умолк на мгновение, подыскивая ответ, сказал с наигранной беспечностью:

– Знаешь, тут не то что не могу видеть его ран... Там придет его жена, а я буду чувствовать себя виноватым.

– Почему?

– Он изранен, останется калекой, а я цел, без царапинки...

Он подумал, качнул лохматой головой.

– Да, такое может быть. Она очень хорошая женщина, но сейчас может быть несправедливой.

– Когда мы уедем, – сказал я, – ты зайди к нему от меня, хорошо? Я, мол, выехал очень срочно, приказ короля, послушаться не мог, потому не попрощался. Передай ему от меня...

Я сбился, ком в горле, умолк и махнул. Бернард сказал торжественно:

– Ценю твои чувства, сэр Ричард. У тебя слезы на глазах! Что может быть благороднее, когда благородный рыцарь так скорбит о ранах своего боевого товарища?

Сигизмунда провожала целая толпа девушек с их бдительными и бдящими матерями. Он на белом коне, сам белокурый, белый плащ с огромным красным крестом ниспадает с плеч и покрывает даже конский круп, весь светлый, это ему бы пошли доспехи святого Георгия, а у меня все не так, все не то, даже конь мой, я назвал его Черным Вихрем, похожий на вылепленную из черной эпоксидной смолы статую, блестящий, с выступающими тугими мышцами, тонконогий, с гибкой шеей – просто не конь, а что-то иное, звериное. Да и уши торчком по-волчьи, в глазных орбитах полыхает, выплескиваясь, багровое пламя. Вообще-то у любого коня уши по-волчьи, но только при взгляде на моего понимаешь, что это именно

по-волчьи, а у остальных – по-конячьи. При взгляде на моего коня многие крестятся, шепчут молитвы. Церковники пробовали кропить его святой водой, но Черный Вихрь не испарился, даже не замечал, что именно на него плещут: простую воду, святую или крутой кипяток.

Мне помогли взобраться в седло, подали шлем, а затем и длинное копье. На крыльцо вышла королева Шартреза, я поклонился и отсалютовал копьем. Она благосклонно и спокойно улыбнулась, подавая знак, все спокойно, езжай, крупных врагов нет, с мелочью справимся.

Я перевел дыхание, вон там дальше трое в монашеских рясах, капюшоны надвинуты на лица, в одном я узнал отца Дитриха. Уловив мой взгляд, он поднял голову, неторопливо и с достоинством перекрестил меня с конем вместе. Я оглядел себя: на мне панцирь из двух половинок, справа у седла дивный щит и молот с короткой рукоятью, слева – лук. Меч Арианта, что рубит любые доспехи, как капустные листья, я приспособил за спиной. Выдергивать не очень-то удобно, но я не даром зовусь Ричардом Длинные Руки, зато справа и слева под руками более нужные вещи: молот и лук. Лук тоже от Арианта, в смысле, пользовался им Ариант, а не изготовил.

Амулет, который простая копалка, на груди под рубашкой, а все четыре Ариантова браслета я, поколебавшись, сунул в мешок. Их надевают на голые руки, но время года пока что не то, на мне рубашка, а сверху теплый свитер из козьей шерсти. Связан грубо, но надежно, вязали мужчины, женщины еще не научились этому чисто мужскому занятию, так что свитер толстый, грубый, тепло хранит, как дубленка, а панцирь прижимает к спине и груди, не дает продувать ветру.

Ланселот и Асмер неодобрительно косились на мое неполное рыцарское облачение, но смолчали, ибо я хоть и рыцарь, но какой-то неправильный рыцарь, не воспитанный в нужных традициях с детства, а возведенный на поле боя ударом меча по плечу. Такому еще предстоит обтесываться, дабы стать истинным рыцарем Христова воинства.

Асмер, быстрый, мгновенно перетекающий из одного состояния в другое, компьютерный спецэффект, а не человек, сразу же устался на лук Арианта.

– Все-таки берешь?

Потомок эльфов, необычайно быстрый и меткий стрелок из лука, он, естественно, замечает только луки, сравнивает со своим, всякий раз довольно задирает нос, но это первый лук, которым ему щелкнули по носу, а потом еще и врезали между остроконечных ушей.

– Ага, – сказал я и, заметив хмурый взгляд Ланселота, шмыгнул носом и вытерся рукавом. Ланселот холодно отвернулся, уже знает мои шуточки. – А что, узнал его свойства?

– Нет еще... но если оставишь, разберусь быстро!

– Фигушки, – ответил я любезно. – Потом от тебя не получишь!

Он захохотал, быстро и дробно, словно рассыпал сухой горох.

– По себе судишь? Ну-ну, что устался?

Я подмигнул ему, сказал заговорщицки:

– Хорошо смеется тот, кто стреляет последним.

Он открыл рот, не понял, хотя смутно уловил некий великий смысл, а я тронул коня, поехал мимо дворца. Шартреза изволила помахать рукой. Великая честь, провожает сама королева, я поклонился, больше похожий на варвара своими доспехами и манерой носить меч за спиной, зато едущий следом Сигизмунд выглядит образцом рыцарского облачения, изящества и рыцарских манер. В полном доспехе, шлем с пышным плюмажем, забрало поднято, открывая чистое юношеское лицо. Тяжелый рыцарский конь укрыт кольчужной сеткой, а поверх – яркой попоной из красных и белых квадратов, расположенных в шахматном порядке, красный крест на плаще, на шлеме, на щите, даже на сапогах.

Народ по обе стороны дороги расступался, мы поравнялись с тремя монахами. Я остановил коня.

– Благословите в дорогу, святые отцы.

Все трое пробормотали короткую молитву, а отец Дитрих сказал тихо:

– Рядом с блестящим юным рыцарем вы, сэр Ричард, сама скромность. Впрочем, скромность красит человека.

– Да, – согласился я. – В серенький такой цвет.

Он кивнул, в глазах не проскользнуло ни тени улыбки.

– Иным серый цвет необходим, чтобы их не слишком замечали, не так ли, сэр Ричард? Не знаю, увидимся ли мы еще... потому хотелось бы задать вам вопрос, на который в другое время я бы не решился, чувствуя вашу уязвимость.

Я проговорил настороженно:

– Слушаю вас, отец Дитрих.

– Сэр Ричард, почему все-таки в вашем сердце нет религии?

Я посмотрел по сторонам, наклонился и сказал ему почти на ухо, чтобы не услышали закапюшоненные собраты:

– Но ведь Бог в моем сердце есть?

– Есть, – согласился он с некоторым колебанием. – Наверное. Возможно. Но религии уж точно нет.

Я сказал негромко:

– Если вернусь, считайте, что я не отвечал на этот вопрос. А если не вернусь, то считайте коммунистом и знайте, что религию я утратил по вине самой же религии. И ничего, жив.

Он посмотрел на меня с ужасом и жалостью.

– Сэр Ричард, религия и законы – пара костылей, которые ни в коем случае не следует отнимать у людей, слабых на ноги. Повторяю, ни в коем случае! Не все же сильные, коих ведет, как вы хорошо сказали, церковь, что внутри нас! Большинство – просто люди со всеми слабостями и дурью!

– Я это запомню, – пообещал я. – В моем мире... моих землях больше опирались на один костыль, да и тот подгнивший... Прощайте, отец Дитрих.

– Постарайтесь уцелеть, – попросил он.

– Да уж, – ответил я, – к вящей славе церкви. Общение с вами мне дало немало.

Решетка ворот заскрипела, поднялась с натугой. Стражники приветствовали нас, голоса хриплые, простуженные, но все держатся бодро, молодецкато, при нашем приближении всяк выпрямлял спину, разводил плечи и старался смотреть орлом или хотя бы львом. Сигизмунд наклонил копье, дабе не царапать свод, кони прошли бок о бок, копье снова нацелилось в синее небо, я видел, как Сигизмунд готов поскорее опустить забрало и копье, дабы пришпорить чудовище в шахматной попоне и метнуться на противника... хорошо бы – дракона, да чтоб огнедышащего...

– Сиг, – сказал я доброжелательно, – расслабься.

Он вздрогнул, покраснел, посмотрел на меня испуганными глазами.

– Зачем?

– А то перегоришь, – сказал я. – Нам еще ехать и ехать. А если будешь ждать, что вот-вот что-то выпрыгнет, загукает, растопырится да ка-а-а-ак гавкнет, то свалишься через милю. Или уже не заметишь, как в самом деле что-то выпрыгнет. И начнет тебя жрять, посыпая перцем и чесноком.

Он сказал торопливо:

– Сэр Ричард, я так боюсь осрамиться в ваших глазах!.. Вы такой воин, такой воин...

– Ага, – ответил я саркастически, – воин.

Он поглядывал на меня испуганно и с невероятным почтением, а я в самом деле чувствовал себя старше его лет на тысячу или хотя бы пятьсот, сколько там прошло с его фео-

дального века до моего постиндустриального, хотя на самом деле мы или ровесники, или же он старше меня на пару-другую лет.

Ворота остались за спиной, но остроzubая тень от них еще тянулась под копытами наших коней, как мы с Сигизмундом увидели большой отряд конных воинов под началом паладина. Они ехали навстречу, следом двигалась, поскрипывая высокими колесами, крытая повозка.

Сигизмунд сообразил первым, явно увидел какие-то особые знаки, торопливо подал коня на обочину, соскочил и стоял там в смиренной позе буддиста. Я тоже сдвинулся в сторону, но остался в седле.

Повозка поравнялась с нами, занавеска отодвинулась, я увидел худое, изможденное постами и бдениями лицо, горящие фанатизмом глаза, плотно сжатые губы.

– Благослови, святой отец! – сказал Сигизмунд с жаром.

Человек с горящим взглядом перекрестил его, сказал жарким голосом:

– Будь благословен, рыцарь. Остерегайся тех, что уступают дьяволу!

В мою сторону он бросил взгляд острый и пронизывающий, я ощутил жар во внутренностях. За повозкой проскакало еще двое всадников, Сигизмунд влез в седло, я уже ехал далеко впереди, он догнал меня, спросил вполголоса:

– Это и есть святой человек, которого ждут в Зорре?

– Ты же сам просил у него благословения!

– Я просто увидел эмблему служителя церкви!

– Он это, он.

– Как жаль, – вырвалось у него.

– Чего жаль?

– Что уезжаем, – сказал он простодушно. – Нельзя было задержаться хоть на сутки?..

Послушали бы проповедь, исповедались бы во всех грехах, испросили бы его напутствия на дальнюю дорогу...

Я помолчал, ну что сказать, ну что сказать, устроены так люди, буркнул нехотя:

– Еретик не тот, кто горит на костре, а тот, кто зажигает костер.

Он не понял, переспросил:

– Костер? Но ведь на кострах жгут ведьм, колдунов, всякую нечисть!

– С теми, кто считает, что обладает истиной, и не ищет ее, спорить невозможно. Этот нунций для себя все решил. Он забыл, что любая религия – это повязка, изобретенная человеком, чтобы защитить душу, раненную обстоятельствами. А он превращает эту повязку в каленое железо.

Сигизмунд подумал, сказал нерешительно:

– Но ведь надо же... каленым железом, сэр Ричард? В мире нечисть сидит на нечисти и нечистью погоняет!

Я скривился, потом махнул рукой.

– Извини, ты прав. Я слишком привык к более щадящим методам. Но ты прав. Когда яд заражает тело, а противоядия нет, лучше выжечь и часть собственной плоти, корчась от боли, но остаться жить. А раны зарастут, зарастут, Господь все предвидел и дал нам великую способность заживлять раны телесные и душевные. А Христос говорил хорошо и правильно, только его обычно не дослушивали...

Сигизмунд посмотрел вытаращенными глазами, спросил осторожно:

– Как это?

– Ну, к примеру, он сказал, что если вас ударили по правой щеке, подставьте левую и, пока противник будет замахиваться, ударьте его ногой в пах. Или можно поднырнуть под руку и в челюсть его, в челюсть! Хотя можно и в печень... Что мы обычно и делаем, поступая по его заветам.

Сигизмунд задумался, а я позволил Черному Вихрю вырваться вперед. Он шел красивым ровным скоком, прекрасный конь, грива развеивается по ветру, хвост вытянут в струнку, мышцы перекачиваются под кожей. Он не видит разницы, в тяжелых доспехах я или без. На гору поднимается с такой же резвостью, как и скачет вниз, а потовые железы у него, похоже, отмутировались.

Так мы ехали трое суток, изредка на берегах рек видели мелкие поселения. Первые два дня нас встречали достаточно доброжелательно, хоть и настороженно поначалу, на третий вообще прятались в лесу, едва видели двух вооруженных всадников. Сигизмунд хмурился, обеспокоенно поглядывал на небо, вертел головой по сторонам.

– Спорные земли, – сказал он наконец. Быстро поправился: – Не в том смысле, что спорные, весь мир принадлежит Господу, а следовательно, и нам, его верным воинам, а в том... что сюда часто проникает Зло.

– Ничего, – утешил я. – Добро всегда побеждает Зло. Правда, его же оружием.

Сигизмунд вскинул брови, глаза стали совсем голубые, как у куклы за три пятьдесят из простенького универсама, не понял, а я не стал напоминать, что хоть глупость – божий дар, но злоупотреблять ею не следует, ибо на фиг мне умный спутник? Я сам умный. Два – уже перебор. Мы и так едем, двое сильных молодых самцов, что будь это в моем мире, наше партнерство приняли бы однозначно. Сигизмунду лучше и не намекать, из какой клоаки я выполз, нам бы сейчас в компанию старого колдуна, гнома и прекрасную амазонку. Ах да, еще эльфа обязательно, без эльфов как-то неполно...

Я ехал, погруженный в свои невеселые думы, все старался уложить в сознании картину этого странного мира, слишком много несостыковок, вздрогнул от странного голоса молодого рыцаря:

– Сэр Ричард...

Я поднял голову, по телу пробежала дрожь. Уже не запад, а все небо – в яростном огне, словно вспыхнул верхний слой атмосферы, а сейчас загорится нижний. Клубы плотного красного огня, размером с Африку, полыхают жарко, бросают на землю тревожный багровый отсвет. Солнца не видно, можно лишь угадать, где сквозь пурпур просвечивает иногда оранжевым, желтым, вот-вот там расплавится небосвод и на землю закапают всежигающий огненный дождь.

– Прекрасный мир сотворил Господь, – сказал Сигизмунд благоговейно. – Как красиво!

– Господь у нас Творец, – согласился я. – Нелепо, но замечательно! Гениальнейший Творец может творить что-то и просто для красоты. А вот дьявол для торжества красоты пальцем не шевельнет. Ладно, твой конь устал, здесь и остановимся на ночь. Жаль, место неудобное...

Проехали еще чуть, выбирая место для ночлега, вблизи ни рощи, ни ручейка, но везет не всегда, с трудом отыскивали местечко, где из сухой земли торчат мертвые, словно опаленные взрывом, кусты; Сигизмунд принялся собирать хворост, я расседлал коней, своего отпустил, прибежит на свист, Сигизмундова пришлось стреножить.

Седла уложили возле костра, закат некоторое время воспламенял громады облаков, затем небо стало лиловым, потемнело, выступили первые звезды. Я лег, положил голову на седло. Звездное небо выгнулось настолько глубокой чашей, что казалось колодцем. Я взглянул со странным желанием обнаружить изменения в расположении звезд, тупое дитя асфальта, как будто помню хоть одну звезду, где она и как! Небо как небо, черный бархат и помигивающие искорки. Зато знаю, что мигание от атмосферы, иначе с чего мигать, не пульсары, да и для пульсаров мои глаза не телескопы Максудова...

– Как хорошо, – вздохнул Сигизмунд. – Когда зришь такое вот... да, такое, то всем сердцем чувствуешь красоту и величие замысла Творца, что сотворил мир не только совершенный, но и прекрасный... Слава Господу за его труд!

Я лежал на спине, он сидел, скрестив ноги, как Будда, лицо вдохновенное, в глазах религиозный экстаз. Хороший парень, везде может находить доказательство величия Творца и его заботы о нас, двух рыцарях в ночи. Наверное, и самого Творца он представляет в виде могучего седого рыцаря в полном облачении из железа, чистом и сверкающем, с длинной седой бородой, сверкающим взором из-под вскинутого забрала, с треугольным щитом, на котором крупными буквами написано: «Я – есмь Господь».

– Слава, – сказал я. Подумав, добавил: – Аминь.

– Аминь, – ответил он автоматически, потом спросил настороженно: – Это почему ж аминь?

– Потому что он устранился от дел, – ответил я, – передоверив весь этот мир нам. Теперь от нас зависит: засрем его весь или частично, а может быть, превратим в цветущий сад? Даже с дьяволами нам придется самим, сэр Сигизмунд!

Он смотрел на меня настороженно, в лице проступила тревога.

– Сэр Ричард, а это... не кощунство?... Не клевета на Творца?

– В чем? Что человечеству и даже церкви нужен дьявол? Сиг, не будь на свете дьявола, многие набожные люди никогда не помышляли бы ни о Боге, ни о церкви, ни о следовании заповедям, что на самом деле вовсе не дураком придуманы.

Он сказал нерешительно:

– Сэр Ричард, ваши речи... слишком близки к тому порогу, за которым тащат на костер. Вполне заслуженно.

Я зевнул, сказал лениво:

– Ладно, давайте спать. Ничего нет крамольного в том, что есть люди, в которых живет Творец, есть люди, в которых живет дьявол, а есть человеки, в которых одни глисты. Спите, сэр Сигизмунд!

В ночи прозвенел тихий легкий смех, ласковый и чистый. Мы умолкли, прислушивались. Сигизмунд торопливо бросил на пурпурные угли пару сухих веток. Вспыхнули оранжевые огоньки, тьма неохотно отодвинулась, словно выдавливаемая невидимым поршнем, я даже ощутил разрежение воздуха, Сигизмунд охнул и застыл с отвисшей челюстью. В раздвинувшемся кругу света стояла молодая девушка. Я бы принял ее с некоторой натяжкой за ангела, а Сигизмунд, судя по его виду, принял и без всякой натяжки. В белых развевающихся одеждах, целомудренно скрывающих ее молодое сочное тело до самых пят, видны только босые ступни с нежными, никогда раньше не ступавшими по земле голыми подошвами, лицо по-детски припухлое, глаза синие, наивно-радостные, румяные щечки с умильными ямочками, взгляд маслянисто покорный и ласковый. Она смотрела с удивлением, как на попавших сюда неизвестно как в ее мир. Складки одежды слегка шевелятся, выдавая соблазнительную полноту юного, но уже созревшего тела. Свет костра наполовину пронизывает легкую ткань, проступают очертания ног, даже форма нижней половины живота, тонкая талия, полные груди...

Она смотрела так, что кивни ей, радостно сядет рядом или на колени, обнимет за шею, а руки нежные, ласковые, прижмется горячей грудью по-детски, уже готовая инстинктивно к тем действиям, что запрограммировала природа для мужчин и женщин.

Пока я таращил на нее глаза, Сигизмунд просипел что-то, приходя в себя, каркнул, сказал осевшим голосом:

– Кто ты, прелестное дитя?

Она светло и радостно улыбнулась, голос ее был детский, звенящий, как тихий лесной ручеек:

– Мы переселенцы, едем дальше на север. Говорят, там люди лучше, а мир спокойнее. Наш лагерь там...

Повернувшись вполоборота, так, что ткань четко обозначила ее полную, созревшую для хватания мужскими ладонями грудь, она показала неопределенно в темноту.

– А ты? – спросил Сигизмунд с неподдельной тревогой и нежностью.

– Я вышла... – сказала она и стыдливо улыбнулась, – вышла из лагеря... и отошла подальше...

Сигизмунд сам покраснел, даже не мог себе представить, что такая прелестная девушка может присесть на корточки и, задрав подол на голову, какать, тужась и краснея, так что морда просто багровая, а глаза как у рака, сказал торопливо:

– Да-да, ты собирала хворост, но где он в такой ровной степи... Иди к нам, погрейся, а потом мы отведем тебя к родителям, чтобы ты не заблудилась...

Она стыдливо улыбнулась, глаза ее бросили по сторонам пугливые взгляды, не видит ли кто, решила и пошла к ним. Глаза немножко испуганные, но на щеках разгорелся румянец, а масляный блеск в глазах стал заметнее. Она грациозно села рядом с Сигизмундом, при этом движении полные груди колыхнулись из стороны в сторону, натягивая ткань острыми кончиками. Даже когда уже сидела, прижавшись к нему боком, груди еще некоторое время завораживающе двигались, все уменьшая амплитуду, круглые колени высунулись из-под платья, она стыдливо пыталась натянуть укоротившийся подол, не получалось, объяснила с виноватой улыбкой:

– Я вышла только в ночной рубашке... у меня под ней ничего нет, мне стыдно...

Сигизмунд, красный как вареный рак, торопливо заверил:

– Да ничего, это ничего!.. Я ничего такого даже не думаю, даже совсем не думаю!

Но уши полыхали, как огни на нефтяной вышке. Она сказала стыдливо:

– Все-таки я одна с двумя мужчинами среди степи... Да еще ночью. Мне просто страшно...

Она подвигалась, устраиваясь, Сигизмунд пылал весь, девушка прижималась к нему грудью, всем телом, таким сочным и зовущим, даже я на другой стороне костра слышал мощный зов, самый древний и неодолимый, потому именно его и стараются в первую очередь подделать, имитировать.

– Ты не с двумя, – поправил я почти сочувствующе. – Я ведь с тобой не заговаривал первым!

Она вздрогнула, в ее больших синих глазах, сейчас уже томных, с поволокой, проступил испуг.

– Да, – ответила она жалобным голосом, – но я так испугалась в ночи и замерзла...

– Грейся, – сказал я. – И еще... я ведь не приглашал тебя к костру, верно?

Страх в ее глазах рос, румянец на щеках сменился бледностью. Сигизмунд смотрел на меня с растущим раздражением, девушка спросила почти шепотом:

– Кто ты?

Я промолчал, давая ей взглядом понять, что она мне нравится, но провести себя не дам. Сигизмунд обнял ее за плечи, что покорно смялись под его ладонью, теплые, пухлые и нежные, сказал неприятным голосом:

– Это сэр Ричард, паладин...

Она дернулась так, что его рука соскользнула ей на спину, где-то там затормозила на нижней, сильно оттопыренной части.

– Па... паладин?

– Да, – подтвердил я почти с сочувствием. – Паладин... А это значит, что вижу такой, какая на самом деле.

Она охнула, с непостижимой скоростью подхватила, в глазах был страх. Застыла на мгновение, на лице обреченность, я сделал ей знак, чтобы убиралась. Еще не веря в спасение,

она поспешно метнулась в темноту, топот босых ног вроде бы сменился сухим стуком копыт, несущих легкое тело.

Судя по бледному лицу Сигизмунда, он тоже что-то уловил, в глазах отчаяние.

– Сэр Ричард, – прошептал он белыми губами, – а... какая она?

– Не знаю, – ответил я.

– Но вы сказали...

Я ответил с великой неохотой:

– Мало ли что говорим женщине!.. Особенно когда хотим уязвить! Но я не стал бы, даже если бы мог... Расставаясь с ними, мы все же храним в памяти лучшие минуты?.. Пусть останется такой... какой видели. Какой сама хотела казаться.

Последний оранжевый язычок поплясал на рубиновом угле, порыскал, отыскивая еще хоть крошку древесины, вздохнул и втянулся вовнутрь в терпеливом ожидании сладостного мига, когда я брошу еще сухую ветку сверху. А лучше – две. А помечтать можно, что могучие руки человека поднимут всю охапку и швырнут на россыпь багровых углей, внутри которых ждет своего часа жар.

Звездное небо все так же бесстрастно смотрело на темную землю и наш крохотный багровый огонек. Сигизмунд сидел в горестном оцепенении. Я хотел сказать, что печалиться не стоит, все женщины такие, надо видеть их в том облике, в каком сами подают нам себя, ну разве что вот так в путешествии через опасные края надо принимать меры предосторожности, но дома должны делать вид, что не замечаем, и в самом деле стараться не замечать, а видеть их только такими, какими нам стараются казаться. А тот, кто видит женщин в их настоящем облике, теряет многое. Очень многое. Может быть, даже всю красоту и все желание вообще жить.

– Ну и дурак же я, – прошептал он тихо.

Я хмыкнул:

– Довольно просто сказать: «Ну и дурак же я!», но как трудно заставить себя поверить в то, что это действительно так... Ничего страшного, я сам обожаю женщин, у которых ноги недалеко от головы. Настолько недалеко, чтобы прямо задница с ушами, это уже идеальная женщина... Однако не стоит попадаться в лапы даже идеальной.

Он спросил хмуро, с упреком:

– Вы так о женщинах... нехорошо, сэр Ричард! Неужели у вас нет дамы сердца?

Сердце мое упало, я ответил сдержанно:

– Уже нет.

– Почему? Она вас не любит? Но это еще не причина. Неразделенная любовь возвышеннее.

– Она любит, – ответил я коротко.

Он посмотрел удивленно, переспросил:

– Вы это ощутили?

– Она даже сама сказала, – ответил я невесело.

– Но... сэр Ричард! Что же вам еще надо?

– Если женщина говорит, – ответил я с болью в голосе, – что она вас любит, то это еще совсем не значит, что она любит только вас. Давайте спать, сэр Сигизмунд.

Глава 3

Утром он, бледный и печальный, торопливо развел огонь из остатков хвороста, прогрел мясо и даже хлеб. Молча позавтракали, обоих пробирала дрожь, днем солнце накаляет доспехи, однако ночью даже возле костра зуб на зуб не попадает, от земли тянет могильным холодом. Коня я подозвал свистом, а Сигизмунд долго бегал за своим, ловил, тот ухитрился и со спутанными ногами отдалиться почти на милю.

– Хорошо, – заметил я одобрительно, – трусцой от инфаркта.

– Что, сэр Ричард?

– Говорю, утренние пробежки очень полезны для рыцарского духа.

Он покачал головой.

– Ох, сэр Ричард... никогда не пойму, когда вы говорите серьезно!

Выехали навстречу заре, солнце поднимается из-за дальнего леса маленькое, злобно-красное, сулящее то ли бурю, то ли что-то еще нехорошее. Если солнце красно к вечеру – то хохлу бояться нечего, если красно поутру – то хохлу не поутру. Ладно, здесь вообще нет такого великого народа, что пирамиды построил и евреев из Египта вывел.

– Я смотрел следы, – проговорил вдруг Сигизмунд. – Ничего... Неужели она была одна?.. Одна ночью?

– Без женщин прожить еще можно, – заметил я, – но без разговоров о них... гм... сомневаюсь.

Сигизмунд покраснел, сказал, оправдываясь:

– Да так дорога короче... На ней сам дьявол ноги ломает, как только ваш конь скачет по таким кочкам...

– Плохие дороги требуют хороших проходимцев, верно?

Он посмотрел с подозрением, подумал, указал широким жестом вокруг:

– Здесь пустые места, я не видел следов жилья. По крайней мере, недавних.

– Ты все еще о ночной гостье?

Он сказал с обидой:

– А что плохого? Может быть, ей в самом деле нужна была помощь?

Я кивнул:

– В чем-то ты прав, ведь кто не рискует, тот не пьет... в смысле, того не хоронят в гробу из красного дерева. А то, что она все-таки ведьма, так от одного греха подальше, к другому поближе, верно? А ты ее почти уболтал. Женщины все любят ушами. Особенно те, у которых от ушей растут ноги.

Он спросил уныло, но с надеждой:

– А вы в самом деле не рассмотрели... кто она?

– Кто много спрашивает, – ответил я, – тому много врут. Но я в самом деле не стал всматриваться. Отогнал – и ладно. Я понимаю, что если враг не сдастся, его уничтожают, но как-то не могу всерьез считать врагом красивую женщину... или которая может прикинуться красивой. Ведь они все прикидываются: с помощью макияжа, шейпинга, дантиста, портнихи, курсов общения! Для нас прикидываются.

– Но, если...

– Жизнь, – сказал я наставительно, – на десятую долю из того, что с нами происходит, а на девять десятых из того, как мы на это реагируем. Реагируй весело!.. Иначе жизнь будешь видеть в виде лестницы в курятнике – короткой и в дерьме.

– Сэр Ричард! Вы говорите ужасные вещи!

– Нет, – ответил я, – я оптимист. Знаю, что в жизни обманывают только три вещи: часы, весы и женщины. А все остальное – жизнь есть жизнь, в какой бы позе ни проводилась. Надо жизнь любить, иначе...

Он не ответил, смотрел ошалелыми глазами. Я проследил за его взглядом. Над вершинами холмов в нашу сторону летел, часто-часто взмахивая крыльями, громадный дракон, похожий на большую лиловую ящерицу. Я поспешно вытащил меч. Сигизмунд со стуком захлопнул забрало, в левой руке щит, готовый принять удар огненного дыхания, в другой меч, красиво изготовленный для удара.

Дракон налетел, ветер от крыльев ударил по нашим телам, как порыв шторма. В последний миг крупное лиловое тело взмыло, пронеслось над головами. Кончик меча Сигизмунда блеснул на расстоянии ладони от белесого брюха крылатой рептилии. Размерами дракон с коня, даже с пони, худого такого пони, в смысле, туловище размерами с пони, а лапы, формой похожие на львиные, толстые, как ноги моего коня, с острыми когтями. Хвост, как у ящерицы, которых я ловил в детстве, только, понятно, покрупнее.

Сигизмунд поворачивался в седле, глаза следили за крылатым чудовищем. Дракон распахнул пасть, донесся скрежещающий звук, словно на скорости в сто пятьдесят грузовик затормозил перед «зеброй». Сигизмунд побледнел и в бессилии опустил меч, но я визга тормозов слышался, как и следующего за ним глухого звякающего удара со звоном вылетающих стекол, мой меч в руке, я рассматривал крылатое чудовище с живейшим интересом.

– Сэр Сигизмунд, – сказал я. – Он не так уж и опасен... У него кости должны быть пустотелые, вы их мизинцем перебьете!

– Да, – сказал он слабо, – вы все породы драконов знаете?

– Зачем мне породы? – ответил я бодро. – Я знаю законы гравитации. И эти... аэродинамики, наверное. Правда, жук их не знает, потому и летает, но жук, по-моему, просто нагло пользуется магией.

– А дракон?

Дракон сделал быстрый полукруг и снова понесся в нашу сторону, угрожающе растопырив все четыре лапы с выпущенными когтями, распахнув пасть и снова издав так испугавший сэра Сигизмунда отчаянный скрип тормозов по асфальту. Я привстал на стременах и выставил в сторону дракона лезвие меча. У меня руки длинные, да и меч не римский гладиус, дракон завизжал еще громче и, как я и ожидал, круто ушел вверх и в сторону, блеснув незащищенным брюхом.

– А дракон, – ответил я запоздало, – слишком уж реальный. Воняет рыбой, вон чешуйка упала, крылья потертые, шрам на боку, заметил?.. То ли кто-то мечом, то ли с другими драконами цапался.

– С другими драконами?

– Ну да. В весенний гон.

Сигизмунд привстал на стременах, замахнулся, дракон пролетел над головами, рыбой пахло сильнее, сделал крутой разворот, из пасти огонь узкой струей, а потом широкими лепестками цветка, глаза горят яростью, когти блестят, Сигизмунд наконец вскрикнул нервно:

– Сэр Ричард... не испытать ли вам свой молот?

– Зачем? – ответил я. – Он уже испытан.

– На драконах?

– Я говорю вообще, обобщенно.

– А если дракон...

Я сказал, стараясь, чтобы голос звучал уверенно:

– Он слишком уж страшен. Когда нападают, так не топорщат перья.

– А как? – спросил он обалдело.

Кони наши, встревоженные, но не обезумевшие от страха, идут ровной рысью, дракон все еще кружил над головами, имитировал пикирующий бомбардировщик, но я видел, что когти постепенно втягиваются, огонь из пасти уже не пышет, сам дракон взмывает на высоте двухэтажного дома.

– У него тут, – предположил я, – наверное, гнездо. Вон на том холме, похоже...

– А разве они не в норах?

– Разные виды, – ответил я, хотя Сигизмунд, похоже, прав, драконам больше идет жить в норах.

Дракон сделал над нами последний круг, на большой высоте, лапы поджаты к пузу, прокричал что-то презрительно-угрожающее и полетел обратно. Сигизмунд проводил его долгим взглядом. Из груди вырвался вздох, трясущаяся рука с огромным облегчением сунула меч в ножны.

– Как вы догадались, сэр Ричард?

– Да он напал сперва вяло, – ответил я, – а потом все злее и злее. Именно, когда подъезжали к самому холму. А едва начали удаляться, тут же снизил темп яростных атак, чтоб не разбить себе пятак... Пусть живет, ящерица. За что ее убивать? Это не человек же, которого всегда есть за что прибить, оплевать, унижить, втоптать, размазать...

Он некоторое время еще оглядывался, сказал нервно:

– А вы не очень высокого мнения о человеке, верно?

– Человек... – буркнул я. – Чем выше он задирает нос, тем больше демонстрирует его содержимое. Потому что задирать нос ему хоть и свойственно, но рановато. Всегда на одном и том же месте спотыкается.

Сигизмунд некоторое время ехал молча, потом поинтересовался осторожно:

– На каком месте?... Сэр Ричард, вы говорите, как наш священник, только Господа не повторяете через слово. И молитвы я от вас никогда не слышал.

– Молитва от слова «молить», «умолять». Нет, Сиг, Господу наши мольбы не нужны, наоборот... Ему нужны сильные и гордые люди. Он помощников себе растит, а не рабов, халавщиков! Дарвин ошибался, считая, что человек произошел от обезьяны. Этот процесс еще только начинается, хотя прошло фиг знает сколько веков и миллионов.

Дорога давно исчезла, мы ехали, ориентируясь по солнцу. Я все равно называл это дорогой, ибо в России дорогой называют то место, по которому собираются проехать, так что ехали по прямой, как стрела, дороге, далеко впереди появились небольшие рощи, проплывали справа и слева, но постепенно становились шире, наконец слились в единый лес.

К счастью, не русский лес, где не всякий заяц проберется, а почти ухоженный европейский парк: деревья огромные, величественные, красивые, даже картинно красивые, мягкая трава, а когда поехали через сосновый бор, копыта зашелестели по толстому, вкусно шелестящему слою из сухой хвои. Лишь в низинах еще лежат, прикрытые ворохом темных листьев, последние залежи снега, слипшиеся в серые грязные льдины.

Вершины не сплетались над головами, там яркое синее небо, солнечные лучи красиво освещают коричневые стволы, оставляя другую половину в густой тени. Ярко блестят янтарные капельки сока. Очень медленно лес начал темнеть, я сообразил, что деревья просто встали плотнее, а хвойный лес сменился лиственным.

Из полумрака леса далеко впереди выступило сооружение из камня, ветхое и полуразрушенное. Между массивных глыб, покрытых зеленым мхом, пробивается трава, упорно втискивая корешки, пытаясь раздвинуть каменные плиты. Кони начали фыркать, а мой зло ржанул, ударил землю копытом. Глаза оставались кроваво-красными, не пооранжевели, значит, опасности нет, просто не нравится здесь. Сигизмунд забормотал молитву, начал осенять направо и налево крестными знаменами.

Каменные руины оформились в полуобвалившийся склеп. Дверь то ли целиком превратилась в ржавчину, а ту унесло ветром, то ли рассыпалась от заклятий, но издали мы увидели только темный провал. Когда миновали последние деревья и кони вышли напрямик к склепу, в проходе на каменной плите мы увидели молодую женщину. В длинном белом платье, возможно, это и есть саван, никогда их не видел, с оборочками и украшениями, с длинными черными волосами, что как змеи падают за спину, а пара крупных прядей на грудь, сидит спокойно, чуть откинувшись, одной рукой упирается в камень, другая свободно лежит на колене...

Сигизмунд забормотал молитву громче. Я чувствовал, что молодого рыцаря трясет, да что там чувствовал, слышу по мелкому позвякиванию доспехов. Лицо женщины, голые от плеч руки, шея и глубоко открытая в широком вырезе грудь – снежно-белая, мраморно белая. Я ощутил с холодком по коже, что если прикоснуться, то все равно, что к пролежавшему в глубинах сырой и холодной земли мрамору. Единственным цветным местом остались ее губы – неестественно красные, пухлые, чувственные, красиво изогнутые.

Она смотрела в нашу сторону бесстрастно, спокойно, не вздрогнула, когда, испуганная нашим приближением, из темного провала выметнулась целая стая летучих мышей. Сигизмунд охнул, сам сперва посерел, как мышь, потом стал таким же белым, как и женщина, забормотал, запинаясь, молитву громче.

Я сказал звучно:

– Привет, красавица!.. Из этого леса есть прямая дорога на юг?.. Или хотя бы кривая?

В ее прищуренных глазах появился слабый интерес. Мы сидим прочно в седлах, слезать не спешим, она же почти на земле, смотрит без страха и без боязни, только пухлые яркие губы дрогнули в легкой улыбке. Мы оба не могли оторвать взглядов от ее губ, чересчур ярких, живых, с приподнятыми вверх уголками, что придавало ее лицу слегка кокетливое выражение.

– Дорога? – повторила она. – Разве героям нужна дорога?

Голос у нее низкий, грудной, мне сразу вообразилось ложе, ее тело на этом ложе, черные волосы разметаны по широкой подушке, почти услышал частое дыхание, ее, конечно, я все еще дышу хоть и учащенно, но пока не так уж чтоб слишком. Она перехватила мой взгляд, улыбнулась шире, посмотрела на Сигизмунда, с удивлением покачала головой.

– Да мы такие герои, – объяснил я легко. – Немножко липовые. Нет, мой спутник почти настоящий, а меня бы чтоб через этот лес еще и в носилках... И мух чтоб отгоняли всю дорогу.

– Мух?

– Да. Это не значит, что я вот такое, на что бросаются мухи, просто люблю уют.

Она сказала тем же глубоким чарующим голосом:

– Да, вы разные... Нет дороги здесь, нет. Уже давно. Последний раз прокладывали, когда здесь ронял иглы сосновый лес, настоящая корабельная роща... Потом, когда снова все заросло, прорубились через березняк странные такие люди: мелкие, краснокожие, с большими ушами... Но с той поры, как здесь одни дубы, вообще никто не захаживал.

По лицу Сигизмунда было видно, что он только сейчас сообразил насчет соснового леса и дубравника: менялся климат, менялась сама земля, сосны растут только на песке, а дубам дай подзол.

Я подобрал поводья, показывая, что сейчас поеду дальше, уже начал даже поворачивать коня, когда задал вроде бы невинный вопрос:

– Ты давно здесь?

Улыбка угасла на ее лице, веки на миг прикрыли взгляд, а когда вскинула снова, в глазах темнела бездна смертельной тоски.

– Не знаю... – прошелестел ее голос. – Все, что помню... это Свет... ты о нем спрашиваешь, странный?... Был Свет, жгучий, обжигающий. Я лежала... да, лежала...

– Я понимаю, – прервал я, – понимаю, в чем ты лежала. И что свет? Заставил тебя встать и выкопаться?

– Нет, – ответила она тихо. – Но он пробудил. Я лежала потом долго... Затем стала подниматься, выходить. Далеко отходить не могу, слабею. Но пока вот так живу, смотрю, слышу... Вон там муравейник, уже как стог, ему триста лет, я помню, как начинался с простой норки... Я все эти деревья помню, как вылезали из земли. Помню те деревья, что их породили. Для меня деревья, что раньше была трава: так же растут, стареют, рассыпаются, а на их месте нарастают новые... Это мой лес, я к нему привыкла.

– Хороший лес, – одобрил я. – Многие мудрецы мечтали о таком. Покой, уединение для высоких мыслей, никакой рекламы... И хоть ты не мудрец, а напротив – блондинка, но все равно у тебя здорово. По крайней мере, экология соблюдена.

Когда мы отъехали на пару сот шагов, Сигизмунд перестал бормотать молитвы, хвататься за амулет, осенять все крестами, оглянулся и спросил шепотом:

– Сэр Ричард, да какая же она блондинка?

– Самая настоящая, – сказал я.

– Но у нее же... черные волосы! Она ведьма!

– Все женщины – ведьмы, – утешил я его. – А что черные волосы... так блондинка – это не цвет волос.

По темному и густому лесу кони пробирались довольно долго, потом он поредел, стали чаще встречаться поляны. На краю одной из таких полян сидел спиной к нам дракон размером с козу, обгладывал ветки орешника. Услышал наше приближение, оглянулся, я успел увидеть большие испуганные глаза. Он тут же ломанулся в лес, только ветки затрещали.

– Опять динозавр, – сказал я с тоской. – Что же натворила эта чертова комета... Или смещение земной оси?

Сигизмунд спросил быстро:

– Сэр Ричард, это у вас молитва или заклинание?

Я покосился на него с подозрением:

– Что-то я не вижу у вас рвения сразиться. Даже меч на месте.

– Так Божья ж тварь, – сказал Сигизмунд с недоумением.

– Дракон? – переспросил я.

– Он же орешник ел, – объяснил мне Сигизмунд, как придурку. – Чего ж нападать?

– А, травоядный...

– Орешник, – повторил Сигизмунд, и я наконец вспомнил, что орешник для нечисти то же самое, что осиновый кол в грудь вампира. – Раз листья орешника жрет, значит, Божья тварь! С нечистью и рядом не сидела.

– Хорошо, хорошо, – пообещал я. – Обязательно поправку в классификацию внесу. Карлу Линнею такие прыжки в сторону и не снились.

Поляны становились шире, разрослись на широкое поле, по обе стороны лес, что расширяющимися клиньями уходит в стороны. Сигизмунд ликующе вскрикнул, вознес хвалу Господу: впереди прекрасная дорога, широкая и абсолютно ровная, как бильярдный стол! По обе стороны грамотно проложены кюветы для отвода воды, даже камни по краям, чтобы дождевые ручьи не размыли.

Сигизмунд торопливо пустил коня на дорогу, копыта торжествующе и хвастливо зацокали, а я остановился, всмотрелся в край. Дороги так не заканчивают. Ее как будто срезало, но не бритвой, а чьи-то руки взяли и разломали, вон свежий... ну, это зависит от материала, край разлома с неровными выступами. Вся дорога в эту сторону, на север, как будто со всем плато рухнула в пропасть... но ведь не рухнула же, уровень почвы тот же...

Я присмотрелся еще, мороз прокатился волной по коже. Как будто чьи-то гигантские руки аккуратно состыковали два куска континента. На той стороне, где эта чудесная дорога, по краям растут совсем другие травы, цветет незнакомый мне кустарник. Здесь же, откуда мы выехали, сосновый и березовый лес, осина, дубы, клены, знакомый кустарник, вон Сигизмунд различил орешник, а я скажу, что это орешник, если увижу на нем орехи, но на той стороне как будто другой мир... Нет, ничего инопланетного, но как бы удивился князь Невский, когда вот так же выехал бы из родного леса и увидел растущие поля с кукурузой, помидорами, картошкой, которые еще предстоит обнаружить и привезти с неведомого континента из-за океана?

Но спина заглодела еще и потому, что те растения так и растут там, не переходя незримой черты, а эти, привычные, здесь, хотя понятно, что уже на следующий год после этого странного катаклизма ветер занес бы семена на другую сторону, или занесли бы птицы в кишечниках, животные на шерсти в виде репьяхов, перебрались бы подземными корнями, как малина...

Сигизмунд погарцевал от края к краю, останавливаясь перед кюветами, прокричал:

– Великолепная дорога, не правда ли?

– Правда, – ответил я. Сердце сжало тоской. – Еще как правда...

Дорога в самом деле великолепная, словно бы главный инженер МКАДа с отрядом высококлассных строителей и первоклассной техникой выполнял заказ римского сената. Покрытие из тщательно уложенных, подогнанных одна к другой и сцепленных краями керамических плит, имитация под грубый гранит. Края не просто подогнаны, а сомкнулись, слились, как сливаются два куска льда или куски пластилина. Покрытие идеально ровное, а под ним явно неразрушимый слой подложки, ибо за столетия вода уже подмыла бы, невзирая на кюветы, есть же и подземные родники, даже целые реки, что иногда выпускают вверх мощные ручьи.

Долгое время мы ехали по этой странно прекрасной дороге, абсолютно без выбоин или промоин, через каждую милю верстовой столб, обычно из массивной гранитной глыбы, на лицевой стороне герб и незнакомые вензеля, даже Сигизмунд ничего прочесть не мог.

Подковы все так же звонко стучали по каменным плитам. Сигизмунд все оглядывался по сторонам, начал хмуриться, по такой широкой и ухоженной дороге должны купеческие караваны ходить взад-вперед, здесь вообще должно быть тесно, однако за весь день никого не встретили, лишь дважды видели вдали полуразрушенные строения.

Я съехал на обочину, моему Вихрю все равно где идти, снял амулет и, зажав в ладони, лег животом на конскую шею. Сигизмунд посматривал с недоумением, не видел, что у меня в руке, а я свесил руку как можно ниже. Ехал некоторое время, ничего не случилось, велел Вихрю перепрыгнуть кювет. Не миновали и сотни шагов в стороне от дороги, как быстро-быстро вздулась земля, словно на поверхность выбирался скоростной крот, в воздухе блеснуло. Я не успел подхватить, монета упала наземь. Ворча, я слез, подобрал, снова в седло, но когда еще через пару шагов еще одна точно так же выпрыгнула, кувыркаясь, как при игре в орлянку, я снова поймать не сумел, слишком низко, то, ворча, повесил амулет на шею и задумался, стоит ли слезать.

Сигизмунд понял правильно, вмиг оказался рядом. Соскочил, подхватил и подал в одно движение.

– Сэр Ричард, это же целое состояние!..

В голосе молодого рыцаря был упрек, я его понимал, но когда достается вот так легко, а золота нам нужно только на прокорм да разве что на перековку подков, то в самом деле бывает лень нагнуться.

– С какой силой человек притягивает золото, – сказал я мудро, – с такой же отталкивает людей.

Сигизмунд возразил:

– А мой отец говорил, что деньги как дети, какими бы ни были большими, всегда кажутся маленькими.

– Золото – это праздник, что всегда с другими, а наш праздник в другом... Если вон там устроить привал с ночлегом, как думаешь?

– Да, – согласился Сигизмунд, – это будет праздник!

Остановились в сторонке от дороги, выбрав густую рощу. На этом настоял уже Сигизмунд, высказав резонное предположение, что по такой дороге по ночам могут носиться орды демонов, это явно их дорога, руки христианские такое построить не в силах.

Кони мирно паслись в кустах, далеко не уходили. Костер Сигизмунд благоразумно расположил за толстым деревом, да еще в широкой выемке между корнями. Со стороны дороги тишь, Сигизмунд напрасно прислушивался весь вечер, даже время от времени переставал жевать, вперял глаза в тьму, но, увы, тишина, разве что над головами что-то скреблось, ухало, вздыхало жалостливо и даже жалобно. Пару раз в костер с веток посыпались чешуйки коры. Однажды, правда, блеснула и кремниевая чешуйка, что меня насторожило, но не настолько, чтобы всю ночь сидеть с мечом в руке, не смыкая глаз.

Сигизмунд, перенервничав, заснул первым, внезапно. Сидел, помешивал прутиком в углях, пальцы разжались, прутик выпал, а он сам откинулся спиной к дереву и застыл, мирно посапывая.

Далеко из глубин темного леса донесся едва слышный звук струн, так мне показалось. Я подтянул ножны с мечом ближе, наполовину обнажил, кто это в потемках играет такое, что Сигизмунд отрубился, как бревно. На меня музыка так не действует, я наслушался всякой, у меня долби с объемным звуком, а здесь что-то тренькает, как чукча на кобызе...

Звуки становились яснее, ближе. Я чувствовал, как сведенное в тугой ком тело распускает отряд мышц, еще не командой «вольно», но уже близкой к ней, угрозы в этом треньканье нет, я довольно чувствительный зверь, еще бы не стать чувствительным, каждый день десятки раз перебегая улицу, где нет разметки, но даже и на зеленый свет бежишь и смотришь по сторонам, ведь какой-то на колесах может не успеть затормозить, другой сорвется с места на желтый, все нужно рассчитать, а когда этим занимаешься с детства, то расчеты опускаются в подкорку, все выполняется на инстинкте, и уже заранее знаешь, откуда веет опасностью, а откуда ожидать пока не стоит... Это не значит, что чувство безопасности не подводит, всегда есть и неучтенные факторы, новые инстинкты человека асфальта только складываются, но, во всяком случае, мои рефлексy намного лучше, чем у этих бесхитростных детей нового Средневековья.

Слушал, слушал, наконец убрал пальцы с рукояти меча. В темноте появилось свечение, будто там возник полупрозрачный призрак, свет приближался, ширился, наконец я рассмотрел за деревьями освещенную настоящим лунным светом полянку, свет ярок настолько, что глаз воспринимал цвета. На зеленом пригорке со старинной лирой в руках молодая девушка в белом платье до пят, длинные белокурые волосы украшены дивными цветами нежных оттенков, за спиной большие белые крылья изысканной строгой формы, я рассмотрел крупные длинные перья.

Снова тронула струны, в моей груди разлилась нежность и тоска, настолько ласков и робок звук, деликатен, над нею тут же закружились не то большие полупрозрачные бабочки, не то птички, сотканые из лунного света, потом мне почудилось, что это крохотные человечки с крыльями. Дальше, шагах в пяти, небольшое озеро, выплыли два белых лебедя и остановились у берега, слушают, время от времени трогая друг друга красными носами.

Откуда озеро, я не понимал, днем же не было, а красивая мелодия лилась сквозь ночь, струилась тихо и нежно. Девушка перебирала струны тонкими, удивительно красивыми «музыкальными» пальцами. Покосилась в мою сторону, я уже стою возле дерева и пялюсь

на нее, но не испугалась, даже не удивилась, что я не отрубился, как другой, улыбка тронула ее полные нежные губы.

Я стоял и смотрел на эту лиру, что есть прабабушка арфы, а сама арфа – это рояль без штанов и вообще без одежды, все знакомо, но сердце щемило, даже не думал, что и вот такая простенькая музыка, без всяких синтезаторов и компьютерной обработки может тронуть, исторгнуть если не слезы, я не такой, но все же задеть, заставить ощутить то, чего я не ощущал и не собирался.

Оглянувшись, между деревьями видно поляну, Сигизмунд спит, прислонившись к дереву. Белокурые волосы в свете костра поблескивают алым, так и кажется, что по ним струится кровь.

Вздохнув, я вернулся в багровый круг света. Костер уже догорает, я ногой придвинул охапку толстых сучьев, лег на расстеленный плащ.

Глава 4

Рядом весело потрескивало, лицо лизали теплые волны, но в спину противно дуло. Запах жареного мяса щекотал ноздри, по трубам заползал вовнутрь и там врубал какие-то рецепторы или рычаги, включающие спазмы в желудке.

Я сглотнул слюну и кое-как поднял тяжелые веки. Сигизмунд, бодрый и выспавшийся, разогревал на углях мясо. По земле двигаются ажурные тени, ствол дерева уже коричневый, что значит, солнце поднимается над лесом.

Заметив мое шевеление, молодой рыцарь сказал противным голосом ранней пташки:

– Кто рано встает, тому Бог дает!

– Кто рано встает, – буркнул я, – тому ночью не... гм... нечем было заняться.

Он насторожился, глаза бросили быстрый взгляд по обширной поляне, не видно ли трупов гоблинов, сраженных великанов, драконов, разбитых щитов и сломанных мечей.

– Скажите, сэр Ричард, только честно...

Я прервал:

– Знаю, что когда обращаются с просьбой «Скажи мне, только честно...», с ужасом понимаешь, что сейчас, скорее всего, придется много врать. Сиг, на фиг тебе это?

Он помялся, кивнул, сказал со вздохом:

– Просто вы сами, сэр Ричард, как-то сказали, что я для вас не только вассал, но и друг...

– Понимаю, друг – это человек, который знает о тебе все, но при этом все еще не считает тебя сволочью! Но кое-что лучше оставить за кадром... У тебя мясо не подгорело?

Мы ели сыр и мясо, неловкость быстро испарялась, далеко за деревьями просвечивает удивительная дорога, с неба падают прямые солнечные лучи, очень яркие, словно бьют лазерные прожекторы.

– В жизни всегда есть место подвигу, – сказал я с набитым ртом. – Надо только быть подальше от этого...

Сигизмунд слушал меня внимательно, в глазах ни капли сомнения, что я изреку мудрость, и я, крикнув, поправился:

– ...надо быть поближе к этому месту.

Черный Вихрь подбежал на свист и замер, не конь, а статуя. Я нарочито взпрыгнул с разбега, но коняга даже не шелохнулася, словно копытами впаян в каменную плиту, как жертвы Аль Капоне в тазик с цементом. Сигизмунд легко и красиво взобрался в седло, утреннее солнце бодро блестит на доспехах, на вскинутах к небу рыцарском копье.

– В дорогу, сэр Ричард?

– Да, – ответил я. – И слава тебя найдет!

Копыта снова застучали весело и звонко на странном покрытии. Сигизмунд подивился искусству, с которым строители отполировали гранит, а я подумал о странной прихоти этих чудаков, что замаскировали керамические плиты под серый невзрачный гранит. Могли бы и разрисовать дивными цветами, узорами... Или вынуждены были таиться?

В полумиле медленно проплыл на высоком холме массивный и величественный замок. Над ним кружила стая угольно-черных на фоне голубого неба ворон. В полной тишине слышалось их злобно-торжествующее карканье. Ясно, замок пуст, давно пуст, такого засилья ворон никто бы не потерпел. У каждого феодала есть ловчие соколы, а для соколов нет любимей дела, чем бить обнаглевших ворон, заставляя летать у самой земли.

Под солнцем блеснули искры, я привычно подумал, что солнечные зайчики пляшут на чьих-то доспехах, обычно выдают приближающегося врага, но затем взгляд вычленил вдали крыши домов, обнесенные высокой стеной. До городка несколько миль, я посмотрел

на солнце, еще высоко, можно проехать мимо, ибо чем дальше к югу, тем более вызывающе смотрится яркое одеяние рыцаря-крестоносца, что на Сигизмунде.

Я заметил, что он неотрывно смотрит в сторону. В двух сотнях метров от дороги невысокий холм, на вершине каменный столб, ничего особенного, грубый, вытесанный без всякого изящества. Даже без привычных узоров, которые я оптом называю рунами. Но под столбом...

...под столбом прямо на земле сидит девушка. Сигизмунд, яростно вскрикнув, повернул коня, тот очень неохотно сошел с дороги, дальше потрусил гадкой вихляющей рысью. Мой Вихрь, повинуясь движению колена, пошел следом, ему, как вездеходу, все равно, по какой дороге стучать копытами.

Девушка, молодая и сочная, испуганно вскинула голову, потом в ее глазах появилась смутная надежда. Пышная грива пепельных волос, здоровых и волнистых, падает ей на спину. Из одежды на ней только затейливого вида кожаные штанишки, очень короткие, больше похожие на купальник. Рядом с нею крупная цепь, я не сразу врубился, что одним концом цепь прикреплена к массивному каменному столбу, другим – к металлическому ошейнику. Девушка как раз попыталась просунуть пальцы под широкое кольцо, подтащила к подбородку. Крупная грудь тоже приподнялась при этом движении, я определил, что беда постигла эту деревню немалая, не только в России простой народ хитровато старается отделаться подешевле: языческим богам – красной ленточкой на веточке, христианскому – копеечной свечкой, президенту – аплодисментами, что вообще ничего не стоят, но раз уж отдали молодую женщину, да еще такую лакомую, от сердца, так сказать, оторвали, то...

– Дикари! – вскрикнул Сигизмунд. – Сатанисты!

– Вряд ли, – возразил я. – Скорее всего, язычники.

– Да какая разница...

Он соскочил с коня и начал бегать вокруг каменного столба, стучать, колотить, вскрикивать, обращаясь то к Господу, то совсем другим тоном... уже не к Господу. Девушка следила за ним полными надежды глазами. У нее оказалось широкое, очень милое лицо, грубоватое и в то же время красивое той простонародной красотой, как бывают красивые молодые безупречные коровы, овцы, козы.

Я сказал, не слезая с коня:

– Ты не прав.

Он обернулся.

– В чем?

– Услышали бы тебя наши неоязычники... ладно, отыди.

Он не понял, но когда я снял с петли молот, поспешно отпрыгнул, заслонил собой девушку. Молот вылетел из моей ладони с силой, фырканием, хотя я бросил легонько, видно, застоялся, вернее, зависелся без дела. Сигизмунд наклонился над девушкой, почти навалился, закрывая ее грудью и не только грудью, раздался грохот, треск, столб рассыпался на крупные глыбы.

Сигизмунд снял с гранитного пенька широкое кольцо, похожее на обруч для бочки, только потолще, оглянулся в беспомощности. Я выразительным жестом указал на девушку, потом на седло его коня. Взгляд молодого рыцаря заметался, я сделал вид, что не вижу попыток выкрутиться, и Сигизмунд спросил с некоторой надеждой:

– А что, не подождем чудовище?

– Какое?

– Ну, которому эту прекрасную леди в жертву...

Я пожал плечами.

– Зачем? Может быть, чудовище уже разучилось само добывать пищу. Так бывает, когда выращенных в зоопарке выпускают на волю... Кто знает, вдруг это редкий вымирающий?

Впрочем, не так это важно, как то, что для простонародья необходимо... гм... чудовище, налоговая полиция или призыв в армию. Чтоб жизнь медом не казалась, а то совсем облежаться! Обязательно нужен внешний враг, это сплачивает, дает чувство плеча. Так что пусть с этим пришлым лицом кавказской национальности разбираются сами. А то нам еще и достанется, что лишили их... цирка. Кого пиара, кого смысла жизни.

Сигизмунд краснел, бледнел, брови то поднимались в изумлении, то вздрагивали, и смотрел на меня так, будто я произносил заклинания на украинском языке, что, по новейшим данным украинских ученых, – прямой потомок арийско-халдейского, то в беспомощности оглядывался на девушку. Она уже поднялась на ноги, ниже его на голову, но крепенькая, с широкими плечами и могучей грудью, что смотрит прямо, бесстыдно и красиво, небольшие валики на поясе, но талия хороша, к тому же широкие бедра только подчеркивают ее узость. И крепкие спортивные ноги с хорошими мышцами совсем не выглядят коротенькими.

Когда он поднял ее к себе на седло и усадил впереди себя, я поинтересовался:

– Ну что, жениться будешь?

Девушка посмотрела на него с надеждой, прильнула всем телом, стараясь сделать его как можно более нежным и обволакивающим. Сигизмунд покраснел отчаянно, сказал умоляющим голосом:

– Сэр Ричард, как можно!..

– А почему нет? Все рыцари так делают.

Он отчаянно помотал головой.

– То не рыцари. Или не совсем рыцари. То просто мужики в железе. Нельзя так... нельзя извлекать корысть из благородных деяний!

– Нельзя? – спросил я в сомнении.

– Нельзя! – отрезал он сердито. Добавил: – Тем более и деяние не так уж и благородное, просто обычное! Как будто можно было проехать мимо!

Я смолчал, насмешничать над такими чувствами язык не поворачивается. Сигизмунд в самом деле тянет на паладина, но никак не я. Я слишком заражен тотальным безверием и оплевыванием всех и вся. Скажем, непорочная и праведная жизнь, бывшая нормой в Средние века, ставшая редкостью во время молодости моих родителей, в мое время уже подвергается нещадному осмеянию. Если бы выяснилось, что какая-то из моего класса или школы вышла замуж девственницей, ей до конца жизни не отмыться от насмешек, глумливого хохота и указывания пальцами. Так что я свинья, свинья, свинья, а Сигизмунд – сама чистота. И не фиг мне оправдываться, что я вот такой богатый и разносторонний: могу и свиньей быть, и благородным, все это дешевая отмазка. Как преподлейшие фильмы про благородных киллеров, проституток с моралью или домошников, что на ворованное жертвуют сиротке конфетку, как и оправдания сетевых пиратов, что они вовсе не воруют чужое, а живут по принципу «отнять и поделить».

Он ехал впереди, девушка прижималась к нему так, что ее тело расплывалась на нем, как медуза. Ее пальчик время от времени указывал дорогу, мы съехали с шоссе, а городишко, который я предпочел бы объехать, все приближался. Земля поросла привычным бурьяном, все запущено, хотя я бы сказал, что здесь редкостный чернозем, о котором говорят, что вечером воткни оглоблю – к утру вырастет телега.

Показалась красивая каменная арка моста, дивной красоты башенки, узоры и барельефы, конь Сигизмунда уже вступил на каменный пол, я поехал на расстоянии. Станные ощущения переполняли грудь, когда поднимался по дуге через этот стариннейший мост, под которым давным-давно уже нет реки. Мимо потянулись каменистые холмы, чахлая трава и голые кустарники. Мир одновременно и стар, предельно стар, и в то же время юн, как если бы мы ехали по меловому периоду или каннозойской эре, вокруг диплодоки, стегоцефалы и

буцефалы с бицефалами, но в то же время видны руины космодромов, откуда в древности стартовали наши предки.

Понятно, что никаких буцефалов или ацефалов не увидим, как и руин древних космодромов, но ощущение древности этих мест оставалось, заползало под кожу, пробиралось в кости.

Сигизмунд обернулся, крикнул:

– Это город называется Ленгойтом!..

– Да хоть Нью-Липцами, – ответил я. – Ты уже придумал, как провезешь через ворота эту голосистую?

Он остановился, в глазах тревога.

– Голо... простите, как? Ах да...

– Прикрой, – посоветовал я, – хотя бы плащом. Да и сам не будешь так в глаза бросаться своим крестоносительством.

Город огражден деревянным частоколом, коза перескочит, тем более те козы, которых мы только что встретили, поджарые, как бегуны-марафонцы, без капли жира, зато рога как отточенные острия рыцарских копий. Ворота тоже деревянные, на ночь, похоже, запираются, но сейчас распахнуты настежь. Воздух распарывает резкое блеяние овец, целое стадо теснится, мохнатые тушки стараются пропихнуться раньше других, будто в городе не бойня, а молодая трава на халяву.

По обе стороны ворот по трое крепких стражей, немолодые, уверенные, отборные, почти омовцы. Их цепкие взгляды обшаривали даже овец, ни одна не пронесет в город контрабанду или неучтенную валюту, вслед за овцами медленно двигались две подводы, а следом – трое купцов с навьюченными лошадьми.

Нас заметили и прощупали взглядами еще до того, как приблизились к воротам. Мне, однако, показалось, что моего коня рассматривают даже внимательнее, чем меня, а на меня посматривают так... с каким-то снисхождением, как на калеку. Мы двигались медленно, блеющие овцы наконец втянулись в слишком узкий для них проем, ближайший к нам страж, крупный и вообще поперек себя шире дядя в толстой коже доспеха, сказал властно:

– Остановитесь, гости дорогие! С какой целью, откуда?... Зачем?

Второй добавил почти весело:

– С какой целью? Правда ли, что шпионы?

Я кивнул, сказал в том же тоне:

– И собираемся совершить вдвоем переворот в городе. Кстати, эта не ваша? Сэр Сигизмунд, покажи.

Сигизмунд откинул край плаща, страж посмотрел, звучно причмокнул:

– Нет, но можете оставить нам.

– Как пошлину? – спросил я.

Сигизмунд воззрился на меня в великом негодовании.

Страж сказал весело:

– Нет, пошлину отдельно.

Я покачал головой.

– Разве по нас не видно, что такие вот олухи, спасающие девиц от дракона... или не дракона, не ездят с мешками, полными золота? Впрочем, пара серебряных монет у меня где-то завалилась. Но самим придется идти по городу с протянутой рукой. Авось кто-то накопмит.

Я вытащил две серебряные монеты, страж поймал обе на лету. Старший тут же смахнул с его ладони, словно взлетевших мух, рассмотрел, попробовал на зуб. Я сделал скорбное лицо. Старшой махнул:

– Поезжайте!.. По этой же улице, в самом конце, хороший постоялый двор. Если у вас завалялась еще одна такая же, хорошо накормят и спать уложат.

– Спасибо, – сказал я и добавил вежливо: – Добрые люди.

Они захохотали, словно я отмочил крутейшую шутку юмора, прям прикололся, а мы с Сигизмундом въехали в город. Народ останавливался поглазеть на нас, рыцари везде – штучный товар, я сказал настойчиво:

– Сэр Сигизмунд, если не дадите свободу милой девушке, я вас начну подозревать.

– Сэр Ричард!

– Да-да, – сказал я твердо. – Почему не отпускаете?

– Да она же... не одета!

– Тем более, – сказал я неумолимо. – Эй, чадо! У тебя в городе есть какая-то родня? Ты сама откуда?

Из-под плаща показалось раздурманенное лицо, глаза блестят, до чего же эти женщины, как и козы, быстро осваиваются в любой обстановке, про себя в качестве жертвы уже забыла, как забыла бы любая коза, уже устроилась жить под рыцарским плащом.

– Я из Горелых Пней, – пискнула она звонким, почти детским голосом. – Это такое село.

– Где оно?

– Мы его проехали, – сообщила она невинным голосом.

Сигизмунд открыл и закрыл рот, я сказал строго:

– Чадо, ты умеешь устраиваться, вижу. Ты бы и у дракона сумела прижиться. Это очень важное качество женщины, признаю. Даже самое важное. А теперь отвечаю, как Томлинсон перед святым Петром: здесь в городе родня есть? Хоть какая-то?

Она заколебалась, но я смотрел строго, она сказала тихо:

– Есть, двоюродная тетя... Такая противная.

Я кивнул Сигизмунду:

– Отпусти ребенка. Плащом придется пожертвовать, но ты, надеюсь, не очень жадный?

– Сэр Ричард, – воскликнул он возмущенно. – Как вы можете?

– Не дашь? – спросил я. – Да, плащ больно красивый...

По лицу Сигизмунда видно, что плаща и в самом деле жаль, роскошный плащ, великолепный, чьи-то девичьи ручки вышивали, кто-то мечтал, что будет укрываться и вспоминать ее ясные очи, румяные щечки и милые ямочки.

Девушка осталась посреди улицы, на шее кольцо с цепью, так и пошла, бедная, может, к кузнецу надо бы, но ладно, хватит и того, что плащом обогатилась. Я подмигнул ободряюще, схватил коня Сигизмунда за повод и пустил своего галопом. Дома замелькали по обе стороны, кто-то испуганно вскрикнул, а через несколько минут кони оказались перед распахнутыми воротами постоялого двора.

Сигизмунд пропустил меня первым, я передал поводья слугам, что заверили насчет отборного овса и ключевой воды, я смолчал, что мой конь и камни жрет, а то в самом деле нанесут камней, всем на такое чудо посмотреть захочется, отряхнул на крыльце пыль и толкнул дверь.

Запахи не сшибли с ног, как бывало раньше, здесь даже не запахи, а скорее ароматы, пахло жареным мясом, но хорошо прожаренным, по запаху чувствовалась его нежность, мягкость, в воздухе плыло слабое ощущение изысканных специй. А если и не изысканных, я их все равно не отличу от неизысканных, то хотя бы не грубых.

Я сел за свободный стол, быстро оглядел помещение. Чистое, просторное, большие окна, столы тоже чистые, ни одной собаки под столами. Правда, я ничего против собак не имею, уже сам привык бросать им под стол кости. Даже посетители тоже сравнительно чистые, хотя народ с виду достаточно простой.

Подошел человек в белом фартуке, похожий разом на официанта и на хозяина.

– Обедать?.. Или только пить?

– И пиво тоже, – ответил я. – В смысле, кроме всего, что полагается двум усталым рыцарям с дальней дороги... Сэр Сигизмунд, идите сюда!.. Нам понадобится еще и просторная комната. Кровати, пожалуйста, отдельные.

Он посмотрел на Сигизмунда, тот опустился с другой стороны стола, взгляд оценивающе скользнул по шлему с красным крестом на коленях молодого рыцаря.

– Комнату?.. Да еще просторную?

Я бросил на стол две серебряные монеты.

– Если не поторопишься с едой, начнем грызть стол.

Он взял монеты спокойно, с достоинством, все-таки хозяин, не слуга, осмотрел, на губах появилась скупая улыбка.

– Все будет. У нас хорошо готовят.

– Верю, – ответил я. – Пахнет здорово.

Он ушел, я посматривал на людей, Сигизмунд сидел угрюмый, бросал по сторонам недоверчивые взгляды.

– Нехорошее место, – сообщил он хмуро.

– В чем?

– Нехорошее, – повторил он убежденно. – Нигде не вижу святого распятия! Как можно?

– Возможно, – предположил я, – чтобы не портить аппетит? Все-таки вид распятого на кресте человека, истекающего кровью, как зарезанный баран, напоминает кухню, а за столом о кухне не то что говорить, даже вспоминать неприлично. Не спеши, в комнате увидишь даже свечи и просвирки.

– Пока не увижу Библию, – сказал он так же угрюмо, – я не поверю, что здесь живут достойные люди.

– Сэр Сигизмунд, – ответил я, – нам придется не только идти бок о бок с не самыми достойными людьми на свете, но и делить хлеб. Не гордыня ли в тебе глаголит?

Он испуганно перекрестился, губы задвигались, шепча молитву. Когда принесли две глубокие миски с горячим супом, он все еще молился. Просил избавить от искушения, от соблазнов, укрепить дух и волю. Я торопливо хлебал, с каждым глотком вливалась сила, усталое тело оживало. Потом хорошо приготовленный кусок мяса, есть приправы, да не вонючий чеснок, а благородный перец... Хотя, возможно, чеснок убрали потому, что отпугивает всякую нечисть, а это бесхозяйственно, у нечисти злата больше, чем у невинных душ, которым уготовано место в раю. Правда, я чуточку ближе к чисти, чем к нечисти, но тоже мне очень не хотелось бы, чтобы на меня дышала чесноком вот та красotka, что веселится в компании мужчин в дорожных плащах. Или слышать запах чеснока вон от той женщины, пусть уж лучше будет нечистью...

Она сидела за небольшим столом у окна, свет падал на ее чистое милое лицо. Взгляд больших темных глаз устремлен на нечто там, на улице, явно такое же спокойное, мирное, теплое и ласковое, как она сама. Я подумал, что ее трудно вообразить в соседстве с чем-то не теплым и не ласковым. Водопад черных волос ложится на плечи и спину, волосы блестящие, ровные, вся женщина налита спокойным здоровьем. Такая чеховская душечка, пышненькая даже, в полупрозрачной сорочке лилового цвета, с крупной налитой грудью, что вызвала ассоциации с тонкой пленкой, заполненной горячим густым молоком, розовые девичьи ареолы сосков, вовсе не осиная талия, да на фиг она нужна, так здорово хвататься за сочный живот и кусать за нежненькие валики на боках.

Руки чуть скрещены, свисают свободно, давая возможность полюбоваться их нежностью, чистой кожей, которой не коснулось солнце, я сразу представил эти руки на своей шее, а потом не только на шее, но не застеснялся, посмотрел на нее глазами пользующегося

собственника, и она, перехватив мой взгляд, ответила спокойным понимающим мои нужды взглядом и легкой материнской улыбкой.

Сигизмунд тоже посмотрел в ее сторону, вздрогнул, прошептал:

– Ведьма...

– Точно? – спросил я с интересом.

– Вы что, – спросил он возбужденно, – прямо здесь ее рубить будете?

– Нет, – ответил я, – что ты, Сиг... Зачем народ отвлекать от хорошего обеда? Да и клиентуру распугаем хозяину, а у него дело поставлено хорошо, вон как жрешь, словно язычник. Попробую увести куда-нибудь.

Он спросил испуганно:

– Я в самом деле... жру?

– Как язычник? Мне показалось, что ты получаешь удовольствие от еды, а это грешно. Благочестивый человек должен получать радости только светлые, чистые, незамутненные, а какие высшие радости от жратвы, что переварится и поступит в кишечник?

Он с отвращением отодвинул недоеденное мясо, насупился, лоб напрягся, пытаюсь наморщить.

– Пойду посмотрю на коней, – сказал он и поднялся. – Что-то здесь уж очень хорошо все.

Я доел мясо, посматривал на женщину, пытаюсь понять, в самом ли деле увести ее куда-нибудь, кто она, возможно, у нее у самой есть место поблизости или даже на этом постоялом дворе, попробовал вино, терпкое, хмельное.

Громко хлопнула дверь, это Сигизмунд вышел, выразив ударом двери по косяку неодобрение высокой культурой обслуживания. Я проследил за ним взглядом, а когда повернул голову обратно, на его месте за столом сидел человек. Я узнал его сразу, а он смотрел на меня через стол с вежливым любопытством, чуть наклонив набок голову. Смуглое лицо, черные волосы, непривычно коротко подрезанные, а когда улыбнулся, два ряда белых и безукоризненных зубов сверкнули, как жемчужины. В этом мире, где белые здоровые зубы редкость, он выглядел преуспевающим бизнесменом, что заботится об улыбке, как доказательстве своего прибыльного бизнеса. Красивые зубы и ровный загар молча говорят, что с этим господином можно иметь дело...

И фигура свежая, подтянутая, без животика, такое же свежее, чисто выбритое лицо без всяких дурацких усов или бороды, скромная и со вкусом подобранная теплая рубашка, вообще одет скромно, но с достоинством, я бы такого не слишком выделил взглядом из толпы на Тверской, в то время как я в этом железе как сбежавшая с карнавала обезьяна.

Глаза только странные, меня взяла оторопь, когда я увидел эти расширенные зрачки... нет, не расширенные, напротив – как булавочные острия, однако в них сгустки мрака, тьмы, чернота, даже не космическая, там все упорядочено, а как бы докосмичность, досозданность, холодок ужаса забрался в мои внутренности.

За соседними столами все так же пили и ели, смачно шлепали по толстому заду единственную служанку, но поднос с пивом в ее руках не вздрагивал, могучий зад похож на тот айсберг, что перетопит все «Титаники», а женщина у окна светло и чисто смотрит во двор.

Он сказал с излишней почтительностью, за которой нетрудно было рассмотреть насмешку, да он ее и не скрывал, тонкий расчет, когда не скрывают, это уже не насмешка, а дружеское подтрунивание:

– Сэр Ричард, поздравляю вас!.. да и себя, кстати.

Я поинтересовался с подозрением:

– Меня – еще могу догадываться, а себя за какие заслуги? Или со мной не связано?

Он воскликнул с энтузиазмом:

– Как же?.. Думаете, просто было задумать такую многоходовую комбинацию, чтобы вам вручили пояс паладина?.. А потом провести так, чтобы комар носа не подточил?.. В этом мире столько случайностей!

Холод охватил меня с головы до ног. Я все еще отказывался верить, но он смотрел уверенно, в глазах победное выражение.

– Хорошо, – сказал я с усилием, – чем же паладин... то есть рыцарь Церкви, так угоден врагу Церкви? Паладины всегда на стороне Добра.

Он покачал головой.

– А вы не знаете? Как все запущено... При чем тут паладины и Церковь? При чем тут вообще Добро и Зло? Дорогой сэр Ричард, паладины вообще не знают Добра и Зла, как им приписывают неграмотные люди, ибо они выше этого...

Я расхохотался.

– Ну, знаете!.. Это уже ни в какие ворота не лезет. Как это может быть выше? Паладины всегда на стороне Добра...

Его глаза насмешливо мерцали. Я запнулся, он сказал голосом школьного учителя:

– Добро и Зло – понятия простолюдинов, а вы уже поднялись из простолюдинов, чему и я поспособствовал, признаюсь, признаюсь!.. Простолюдины – вне зависимости от богатства, знатности и родовитости, оценивают как Добро лишь то, что для них хорошо: дождик в засуху, корова родила двух телят, сосед на день рождения подарил золотой кубок, молния ударила в дом соседа, чья крыша заслоняла солнце вашему огороду... Верно? Верно-верно, по глазам вижу. А Зло – это все, что вредит, верно? Ну там наводнение смыло корову, молния ударила не в соседский дом, а в ваш... Простолюдин будет храбро и честно сражаться с врагом, который нападет на его страну, он понимает, что враг может дойти и до его дома, надо остановить его как можно дальше от своего огорода, но простолюдин никогда по своей воле не пойдет сражаться в чужую страну, чтобы...

...чтобы землю в Гренаде крестьянам отдать, мелькнуло в моей голове. Он прав, нам уже непонятны и смешны Боливар, Че Геварра, Хаттаб, все объясняем в привычных нашей простолюдинности терминах выгоды, интересами олигархов.

– И все равно непонятно, – ответил я чужим голосом, – почему вы решили, что, будучи паладином, обязательно окажусь в вашем лагере?

Он всплеснул руками.

– Как же? Паладины сражаются не за Добро и Зло, верно? Мы уже видим, что это для одних добро, для других зло, как с молнией в дом соседа...

Да ладно, молния, подумал я зло. Среди немецких псов-рыцарей, как мы их называли, были и паладины, но для нас они все – гады, потому что шли не с нами, а против нас. Уж мы точно называли добром разное...

– И что же?

– Паладины, – договорил он, – сражаются храбро и мужественно на стороне Правды!.. На стороне правого дела. Если их родина или их страна оказывается неправой, они с болью в сердце... или без боли, по их мужественным мордам не разберешь, сражаются против. Для них Правда, Истина – дороже таких простеньких понятий простолюдинов, как родина, отчизна, свои, чужие...

Я подумал, потом еще подумал, ответил осторожно:

– Хорошо, я подумаю еще над вашими... далекоидущими. Даже если это в теории верно, но живем не в мире идей. В обыденности без понятий Добра и Зла не обойтись. Только слышим... иногда, о высшей математике, но довольствуемся простой арифметикой. Я понимаю настоящий смысл сентенции: «Если ударили по правой щеке, подставь левую», но народ понимает буквально, ржет, как сытые кони! Так и с этими понятиями: быть выше Добра и Зла... гм... можно залететь в обоих смыслах.

– Но вы же паладин?

Голос был коварным, насмешливым, я насупился и сказал зло:

– Да.

– Будете действовать, как паладин?

– Да, – ответил я зло, ничего другого не оставалось, как стоять на своем. – Да!

– Тогда вы придете ко мне, – сказал он весело, глаза светились победным огнем. – Ох, сэр Ричард, вы ведь Антихрист, слышали?

Я сказал раздраженно:

– Вы постарались?

Он хохотнул:

– Не поверите, но это сами церковники додумались.

Я стиснул челюсти, в помещении все казалось застывшим, словно только мы были реальными, а все остальное – картина. Даже с улицы перестал доноситься стук колес, не слышно конского ржания, мычания скота.

– Ладно, – ответил я, – посмотрим. Мне самоуверенность не нравится.

– Я знаю, – ответил он. – Но под нею более прочное основание, признайтесь!

– Да, – согласился я, – но я все еще не выбрал дорогу.

Он покосился в сторону женщины у окна, легкая улыбка скользнула по его тонким, красиво очерченным губам.

– Тогда не буду вам мешать!

Снова хлопнула дверь, это вернулся Сигизмунд, еще более хмурый. Когда я повернул голову от него к столу, там снова пусто, а женщина у окна повернулась и посмотрела на меня.

– Хорошо покормили, – сказал Сигизмунд в раздражении. – И вода ключевая, сам напился, проверил. Что-то хорошо здесь слишком, не верю я в этот постоялый двор. Правда, молитва не помогает, но я, видимо, с недостаточной верой читал... Вот если вы, сэр Ричард, попробуете, вы же паладин, почти святой человек...

Я поднялся, сказал с достоинством гладиатора, идущего на смертный бой:

– Попробую. Начну сразу с ведьмы. А там посмотрим.

Глава 5

Окна в доме напротив светятся красноватым трепещущим огоньком, словно там горит лучина, между домами темень, прошла ночная стража, громыхая по утопанной земле древками копий. Снизу донесся смех, дурашливый взвизг, тут же все затихло.

Из распахнутого настежь окна видно, как во дворе пробежала, опустив хвост, лохматая собака с непривычно узким рылом. В комнату вливаются запахи зелени, конских каштанов, ветерок донес аромат выделяемых начисто шкур, нет, уже кож.

В полумраке комнаты хорошо видны черные загадочные глаза, а темные волосы, разметавшиеся на белой подушке, выглядят сказочно. Я вернулся от окна, лег, она тут же положила голову мне на грудь, закинула ногу. Я слышал, как длинные ресницы пощекотали мне кожу.

– Ты в самом деле паладин? – спросила она очень тихо.

– Как и ты – ведьма, – ответил я.

– Но я в самом деле ведьма, – возразила она осторожно.

– А я в самом деле паладин, – сказал я. – Но что нам сейчас эта пятая графа? Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы вовсе. Да и грех ли, когда ты...

Я запнулся, не зная, как сказать, что она подлечила даже душу, израненную разлукой с леди Лавинией.

– Не объясняй, – произнесла она тихо. – Я же ведьма, сразу ощутила твою рану. Ты в самом деле паладин, что поступил так... Только за это уже паладин. Я только не верила, что решишься подойти.

– А я правильный паладин, – ответил я. – Чувствую, где палкой по голове не стукнут.

Она сказала тихо:

– Но хотел ты сказать совсем другое...

– Что?

Она сказала медленно, словно бы с трудом выговаривая чужие слова:

– Лучшая доля не в том, чтобы воздерживаться от наслаждений, а в том, чтобы властвовать над ними, не подчиняясь им... Это значит, что на рассвете, который близок, сядешь на коня и даже не обернешься...

– Вот это уже брехня, – возразил я. – Обернусь. Но ты права, утром двинемся дальше.

Мы лежали притихшие, я чувствовал прилив странного, просто нестерпимого счастья, смотрел поверх ее головы в окно, там светлеющая чернота неба, медленно плывущая луна, облака мертвенно-бледные, а возле луны до странности голубоватые, непривычные.

– Как жаль, – вырвалось у меня, – что всегда что-то теряем! Всегда от чего-то приходится отказываться! Человек, который остается дома, отказывается от дальних стран и чудес в них, а тот, который уезжает, отказывается от счастья, что рядом с ним...

Она молча поцеловала в губы, обняла, теплая, пышная, ласковая и женственная, настоящая женщина, в то время как я еще не настоящий мужчина, а то, что я умею с женщиной, и бродячие собаки умеют.

Утром Сигизмунд ничего не спрашивал, возможно, не хотел слышать, как я пытал и расчленил ведьму, спасая ее душу, только скользнул пытливым взглядом по моему бледному лицу. Впрочем, вряд ли бледному, я как будто прекрасно выспался, набрался сил, в теле перекатывается сила, а бодрость прет из ушей.

Город, а затем и зеленая равнина остались позади, пошли холмы, а впереди начали медленно вырастать горы. Правда, не те, что со снежными вершинами, пониже и потеплее, но все равно суровые, коричневые и с виду – безжизненные. Даже не коричневые, а неприятно

ржавого цвета. Неприятно тем, что даже в самых суровых заснеженных горах чувствуется жизнь, а эти почему-то кажутся лунными горами, абсолютно мертвыми, выжженными.

Ближайшая к нам одиноко стоящая гора оказалась не горой вовсе, а высокой, очень высокой и массивной каменной башней. Внизу окружает зубчатая стена, видны ворота и две крохотные башенки по обе стороны ворот, но я не мог оторвать взгляда от исполинской башни. Страшная зловещая красота чувствуется в этом дизайне. Гора сложена из камней, что и горы, потому таков цвет, это понятно, но я не мог отделаться от впечатления, что строитель нарочито делал ее неотличимой... нет, отличается, но он как бы церетелил эту башню в общий дизайн, в общую картину...

Хорошая протоптанная дорожка вела прямо, почти не виляла, я уже видел, что нацелена как раз между двумя горами. Если бы дорога рудокопов, то вела бы прямо в гору или на гору, а раз между, то кто-то этой дорогой пользовался сравнительно недавно.

Сигизмунд вскрикнул, пришпорил коня. Я покачал головой, догонять не стал, мне положено держаться солидно, я же сеньор, подъезжал медленно, во все глаза рассматривал чудо, преградившее дорогу.

Отвесные горы поднимаются, как две стены в узком коридоре, проход между ними загородил огромный, в три человеческих роста, каменный крест из белого с примесью малахитового цвета мрамора. Массивный крест, основание втрое толще моего туловища. Края уперлись в стены. Конечно, мы без особого труда протиснемся хоть справа, хоть слева, только что голову наклонить да сэру Сигизмунду копые опустить, но ощущение, что крест именно загораживает проход.

– Велика сила Господня, – промолвил Сигизмунд с благоговением. – Животворный крест Господень закрыл дорогу нечисти!

– Но не войскам Карла, – заметил я.

– Да, – согласился Сигизмунд упавшим голосом, – да, к сожалению... Но у Карла люди, а им Господь дает возможность покаяться, грехи искупить, обратив оружие против нечисти...

– Да и нечисть где-то проникает, – добавил я. – Это нам повезло, не встретили, что просто дивно.

– И мне, – признался он.

– Все впереди, – предостерег я. – Вдруг да придется прорубываться через их ряды? А BFG у нас нет, одни мечи. Драконы так и вовсе могут перелететь через гору.

Он задрал голову, лицо стало задумчивым.

– Я слышал о горах, которые не может перелететь ни зверь, ни птица, ни комар. Возможно, это те самые... Правда, те горы на самом Краю земли.

– А мы и есть на самом крае, – ответил я.

Он в испуге оглянулся.

– Какой же это край?

– Обыкновенный, – буркнул я и подсадовал, что брякнул. Не хватает еще объяснять, что Земля круглая и край у шара в любом месте.

Мы разговаривали, не отрывая глаз от креста, я все больше видел в нем величественной простоты, что говорит о гениальности создателя, дивной соразмерности пропорций, мощи и вместе с тем изящества, что торжествует над грубой животной силой и темной магией. Крест не просто очень умело вытесан из камня, еще и украшен лепестками роз, все еще не стерлись, даже сейчас, если хорошо потаращить глаза, на уровне моего лица четко проступают письмена.

– Руны, – сказал я уверенно.

Сигизмунд посмотрел на меня с почтением.

– И это вы знаете, ваша милость, – сказал он.

– А что тут знать? – отмахнулся я. – Если картинки, то пиктограммы. Наверное, потому, что их пикты пиктили. По граммам. А все остальное непонятное – руны. Как все нехристианские народы – язычники, верно?

Он выпрямился, сказал воодушевленно:

– А мы принесем туда свет истинной веры!

– Вот-вот, – поддержал я и добавил угрожающим голосом: – А кто осмелится остаться незрячим...

Пустил коня вперед, наклонился, над головой прошла каменная балка, неясная прохлада струилась от креста, конь ступал дальше, ощущение исчезло. Я оглянулся, крест чуть ли не светится, загораживая дорогу крупным монстрам, с которыми людям еще не справиться, и пропуская мелочь, чтобы порубежники не спали, всегда были готовы принимать удары и наносить в ответ.

Сигизмунд ехал рядом, на лице почтение. Встретившись со мной взглядом, прошептал:

– Это же крест самого Тертуллиана! Вы знаете историю, как он поставил?

– Как-нибудь расскажешь, – ответил я как можно спокойнее, но появилось ощущение, что некто огромный и недружелюбный наблюдает за нами из-под приспущенных век. – Значит, мы перешли границу, за которую еще не переступали копыта христианских рыцарей... А также их коней. Сэр Сигизмунд!

– Да, сэр Ричард?

– Расслабьтесь, – посоветовал я.

Он вздрогнул, на лице проступило смущение, но тут же спросил почти с вызовом:

– Но почему?

– Нечисть не поджидает нас прямо здесь, – сказал я, тут же подумал, а верно ли говорю, но уже по инерции договорил: – Как-то я сам, помню, ехал в другую страну... Все ожидал, что как только перелечу... гм... в смысле, миную границу, то и деревья не такие, и земля не такая, и как был разочарован, когда все те же березки, та же трава, такая же вода в реке...

Он вертел головой по сторонам, почти не слушал, ответил невпопад:

– За легкое дело берись как за трудное, а за трудное – как за легкое. Так мне говаривал батя... Как за трудное, это чтоб уверенность не стала беспечностью, а как за легкое, чтоб неуверенность не стала робостью...

– Смертелен каждый путь, – сказал я, – каким бы ты ни шел, но путнику прямой особенно тяжел. Так говорили наши мудрецы. А мы, дорогой сэр Сигизмунд, на пути к этому... разуму!

Он так удивился, что даже пошатнулся в седле.

– Мы? К разуму?

– Да. Другой великий мудрец сказал, что к высшему разуму ведут три пути: путь размышлений – самый благородный, путь подражаний – самый легкий, и путь опыта на своей шее – самый тяжелый. Мы, понятно, как рыцари и мужчины, выбрали самый трудный путь, легким путем идут обезьяны и женщины.

Сигизмунд встревожился, я видел, какие складки пытаются появиться на его чистом безморщинном лбу.

– Сэр Ричард... это что же... мы можем стать умными?

– Что, уже готов вернуться?.. Не трясись, такое случится не скоро. И то, если человек будет учиться на собственных ошибках. Но мы же не будем, верно? Иначе начнем избегать неприятностей, как эти, тьфу, умные, а какие же мы только рыцари, если без приключений?

Его лицо просветлело, глаза зажглись задором.

– Как вы правильно говорите, сэр Ричард!.. Да и вообще, я подумал... представляете?.. что тот, кого привели к цели, не имеет права считать, что он ее достиг. А так как меня ведете

вы, то это на вас может рухнуть мудрость, после чего вы в монастырь или в сimeoны-столпники...

Я уж было подумал, что это он острит, но юный рыцарь говорил настолько серьезно, с ясным лицом, что я только принял надлежащий скорбный вид и кивнул.

Трава поднималась сочная, зеленая, весна дружная, с жаркими днями и прохладными ночами, все идет в рост, я буквально слышал, как скрипит земля, выпуская из себя молодые побеги. Конь Сигизмунда то и дело на ходу срывал верхушки трав, мой шел как бронетранспортер новейшего поколения, который питается только обогащенным ураном.

По этому зеленому полю брела в нашу сторону босоногая и в коротком платьице девчушка лет пяти, очень серьезная, деловитая, обеими руками прижимала к груди большой берестяной туесок. Рыженькие волосы свободно падают на спину, серьезный такой деревенский ребенок с поцарапанными ногами и сбитыми в кровь коленками, с засохшими корочками на месте старых ссадин.

Сигизмунд поинтересовался:

– Не тяжело, малышка?..

Она отрицательно помотала головой, обеими ручонками прижала к груди сокровище, глядя на огромных людей, что на конях, недоверчиво, исподлобья.

– Что насобирала? – поинтересовался Сигизмунд. – Грибы?

Она снова помотала головой.

– Ягоды?

Она ответила тихим детским голоском:

– Мед...

Я тронул коня, Сигизмунд поехал рядом, но я слышал, как он начинает ерзать, железо звякает, оглядывается, наконец я услышал его растерянный голос:

– Не понимаю...

– Что, сэр Сигизмунд?

– Как насобирала мед, ее же пчелы заедят!.. Маленькая такая, хрупкая! И как мед не вытекает, сейчас же жарко... И почему не видно жилья?

Я сказал ему в тон:

– И куда исчезла, как только мы проехали? Не стоит сушить голову, сэр Сигизмунд, над умными вопросами, а то, не дай Господи, сами умными станем. Иначе спросишь, откуда мед вообще, ведь снег только что стоял, когда пчелы наносить успели?..

Он задумался, пробормотал озадаченно:

– А в самом деле...

– Думаю, – сказал я ободряюще, – за поворотом нам вообще могут настучать по голове.

И по ушам.

Он понял мои слова буквально, с лязгом опустил забрало, вытащил из ножен меч и поехал чуть впереди, чтобы благородно принять удар на себя, а я тем временем метну свой всесокрушающий молот. Я же косился на его дурацкое копьё, слишком длинное, огромное и тяжелое, удобное только для схватки с таким же точно закованным в железо рыцарем. Сигизмунд не дурак, понимает его непригодность в таком походе, но в то же время как это оставить или потерять копьё, символ рыцарства?

За весь день мы так ни с кем и не подрались, то есть не совершили во славу Господу никаких богоугодных подвигов, не прославили копьём и мечами его славное и кроткое имя, хотя несколько раз над нами пролетали драконы, присматривались, но оказались не настолько тупыми, чтобы бросаться на закованных в железо существ, когда есть олени, лоси, туры и, на худой конец, простолюдины.

Вечером долго любовались великолепным закатом, Господь Бог превзошел себя и порадовал нас просто сказочным зрелищем, при виде которого даже самый заядлый атеист

твердо уверится в существовании Творца, иначе на фиг кому нужна эта божественная красота захода солнца?

Хвороста усердный Сигизмунд натаскал много, костер разгорелся такой жаркий, что пришлось отползать. Длинные языки оранжевого огня рвались в небо, трепетали, искры взлетали стремительно, трещали уже там, вверху, взрывались крохотными бомбочками. Круг света был широк, даже озарил в трех шагах каменную кладку, покрытую серо-зеленым мхом.

– Бесподобно, – проговорил Сигизмунд восторженным шепотом. – Солнце – счастье, однако и ночь... хоть и прибежище Зла, но видно же, что ее создал Господь! В ней столько божественного очарования, умиротворенности, спокойствия, тишины...

– Тиха украинская ночь, – согласился я, – но сало надо перепрятать!

Он посмотрел непонимающе:

– Сало? Зачем?

– Когда Горький появлялся в Антарктиде, пингвины начинали робко прятать в утесах сало, масло и другие продукты. Не понял? Я сам не понял, однако давай половину ночи побудь на страже, а потом разбуди, поменяемся.

Он насторожился, быстро повертел головой.

– Ожидаете опасности?

– Очень уж хорош вечер, – объяснил я. – И весь день никто не бросился из кустов. И не встретился. Пора бы, как думаешь?

В ночной тиши раздался негромкий смех. Пламя костра выхватило двух молодых женщин, одну в длинном платье до пят, что умудрялось не скрывать округлый прелестей ни бедер, ни высокой груди, ни даже соблазнительных линий живота, а другая едва прикрытая легкомысленным прозрачным шарфиком, похожим на сизый дымок от костра. Обе с длинными черными волосами, рассыпавшимися по спине, темноглазые и с пухлыми сочными губами, смеющиеся, игривые, сразу же принявшие эротические позы, когда и бедра просятся в жадные ладони, и грудь тычется в лицо, и мягкий горячий живот прижимается к твоему животу.

Я сказал Сигизмунду тихо:

– Молчи. Пока не заговоришь, не ответят. Пока не пригласишь – сами не подойдут.

Он шепнул в ответ потерянно:

– Да знаю, только разве упомнишь...

Девушки хихикали и покачивали бедрами, ноги длинные и стройные, а задницы высоко вздернутые, оттопыренные. Обе двигались под слышимую только им музыку, смеялись, полные сочные губы раздвигались, одна томно высунула кончик языка и облизала губы, я перехватил хитрый дразнящий взгляд, другая ухватила обе груди и, глядя на нас, насмешливо потрясла ими из стороны в сторону. Это был вызов, я ощутил, как мышцы моих ног напряглись, посылая сигнал встать и пойти, а пальцы конвульсивно дернулись, словно я уже хватаю за эти... да, за эти самые, горячие, мягкие, налитые жизнью...

Рядом послышался стон. Сигизмунд смотрел безумными глазами, по бледному лицу катились крупные капли, на висках вздулись темные, как пиявки, жилы. Женщины смеялись громче, подошли осторожно на шаг, дальше, похоже, что-то мешает, моя святость, наверное, первая вскинула руки над головой, отчего крупная грудь вызывающе натянула тонкую ткань, обнаженная начала напевать и ритмично хлопать в ладоши, а скромница начала танец, вроде бы тихий, но наполненный иронией, пародийный, отчего еще больше проступила эротичность движений, откровенность желаний.

Сигизмунд застонал громче, лицо исказилось, он начал приподниматься. Я поспешно ударил его по плечу.

– Сядь!.. Весь стриптиз испортишь!

Он вздрогнул, посмотрел с сумасшествием во взгляде.

– Что?

– Не мешай, – сказал я настойчиво. – Если пойдешь к ним, я гавкну на этих... ночных бабочек. Исчезнут, как будто увидели... понятно кого. Пусть пляшут.

Он прошептал в отчаянии:

– Сэр Ричард... Мне бы вашу твердость паладина...

– Это другая твердость, – ответил я хмуро. – Меня столько раз кидали эти вот... и через колено, и через... словом, и Матери Божьей не поверю. Смотри, но не влезай. Голого и босого оставят, да еще и одурманенного с большой головой. А вот так пусть стараются.

Он покачал головой, глаза не отрываясь следили за танцующими девушками. Я тоже смотрел на их движения, сравнивал с теми, что видел раньше, и хотя стриптизерши моего мира эротичнее, фигуры у них нашейпингованные, сиськи – как спелые дыни, а соски торчат, будто раскаленные кончики стрел, но в этом неотесанном мире и такое вот – супер, а если уж по большому счету, то в принципе все равно, на кого залезть и соргазмить: на кухарку или принцессу, органы размножения у всех одинаковы, и как их ни камасутрь, концовка всегда одна и та же.

– Ложись и спи, – посоветовал я. – А они пусть оттанцуют всю программу... Девушки, судя по всему, не замужем, а перебиваются случайными связями. Надо учитывать, что весной нас возбуждает не красота женских ног, а сам факт их наличия, верно? С другой стороны, чем меньше девушек мы любим, тем больше времени на сон, а это совсем не лишнее.

Он смотрел на меня отчаянными глазами. Станный я паладин в его глазах: все понимаю, могу Божьим словом изгнать их туда, откуда появились, или обратить в дым, но бездействую. Не поддаюсь, но и не борюсь со злом. А что зло, это же видно: все женщины – зло, а чем красивее, тем это создание дьявола злобнее, хоть и забавнее.

– Я не смогу заснуть, – прошептал он убито.

– Попробуй, – посоветовал я. – К счастью, есть такая хитрая вещь, как поллюция... Можешь сам, только не в мою сторону. Это снизит накал, уменьшит силу их... воздействия. Ненадолго, но заснуть успеешь. Что за мир создал Господь: как много девушек хороших... но тянет что-то на плохих?

Он смотрел исподлобья, подозрительно, старался узреть, где именно насмешничаю, но я держал лицо очень серьезным и даже говорил совершенно серьезно, хоть и с иронией, но уже по своему адресу, по адресу всей цивилизации, что загоняет вот в такие смешные тупики, когда боремся, хотя можно бы не бороться, ибо сказал же один английский гомосек, что лучший способ побороть соблазн – это поддаться ему...

А что, мелькнула мысль, если в самом деле позвать эту девицу, трахнуть ее, всю измять и попользовать грубо, без церемоний, я ж в бесцеремонном мире, их чарам не поддаюсь, а истрахавши их обеих, я утвердлю свой мужской примат, свой верх, свою победу...

Я вздрогнул, ибо голос Сигизмунда раздался далеко сзади, из-за спины, а обе женщины уже передо мной, от них пахнет разогретыми телами, сочной плотью, готовой покорно смяться под моим грубым натиском, губы распухли и в покорном ожидании, глаза томно полузакрыты...

– Сэр Ричард!..

За спиной раздались шаги. Я резко обернулся, молодой рыцарь с белым от ужаса лицом торопился ко мне, протягивал руку, пальцы тряслись.

– Все в порядке, – ответил я хриплым от страсти голосом. – А вы... женщины, изыдите. Обе! Как-нибудь в другой раз.

Обе, обрадованные, что с ними наконец-то заговорили, весело и звонко затараторили:

– Милостивые рыцари, позвольте скрасить вас досуг!

– Доблестные герои, мы утолим неистовый жар в ваших чреслах!

– ...а потом снова разожжем...

– мы будем ласковыми!

– ... и покорными...

– Мы сделаем все-все, чтобы усладить вас!

– В другой раз, – сказал я твердо. – Первым делом – самолеты, ну а девушки – потом. Изыдите!..

Сигизмунд повторил слабым голосом:

– Изыдите...

Я посмотрел в его страдальческое лицо, добавил:

– Но как-нибудь еще заглядывайте. На огонек... или прямо в постельку.

Девушки перестали щебетать, глаза округлились, а ротыки приоткрылись уже не эротически, а от удивления. Я повернулся к ним спиной, взял Сигизмунда за плечо и потащил обратно к костру. Когда мы обернулись, женщины исчезли, в мире стало пусто, тоскливо и одиноко. Сигизмунд тяжело вздохнул.

– Сэр Ричард... мы победили?

– Да, – подтвердил я. – Только, боюсь, не потому, что были сильны, а соблазны были недостаточно... гм... Хотя я чуть было не влип, ты меня спас. Они сумели задвинуть мне хитренькую мысль, что если я сгребу их, потрахаю, а потом выгоню, сказав с торжеством, что все равно знаю, кто они, то этим я как бы победю... Ни фиги, в этих ситуациях победитель вовсе не тот, кто сверху. Женщина и под тобой, истраханная и в разорванной одежде, всегда победительница. Так что не надо нам этих внеолимпийских состязаний. Давай спать, завтра день тоже нелегкий.

– Господи, помоги мне, – пробормотал Сигизмунд, – дай мне стойкость, какую обнаружил святой Ипониций...

Я вспомнил портрет седобородого старца с изможденным лицом, сказал утешающее:

– Большая разница, не хочет грешить человек или не может. Ты – герой, Сигизмунд! Тебя вообще можно в святые, даже кастрировать не обязательно. Даже я чуть было не влип, лох...

Я невесело засмеялся. Сигизмунд тут же откликнулся:

– Что-то случилось, сэр Ричард?

– Да так... Если бы мы все исповедовались не духовнику, а друг другу, мы бы все вдоволь поржали над убожеством наших желаний. Дьявол всем забрасывает одних и тех же червячков! Не зря презирает весь род людской... Эти бабы на этом месте показывают один и тот же номер. Уже отрепетировали так, что могут исполнять на автомате, думая совсем о другом. Действует же, зачем новые трюки?.. Хуже другое, Сиг. Если бы мы, люди, даже добропорядочные, раскрыли бы друг другу свои добродетели, то посмеялись бы над тем же: над их мелкостью, бескрылостью, убожеством... Ладно, спи. Нетрудно быть добродетельным там, где ничто этому не препятствует, а нас в дороге ждет еще не одна ловушка...

Он прошептал с почтением:

– Вы так все мудро определили, сэр Ричард... Мне бы так!

Я отмахнулся.

– Прислушайся к голосу разума! Слышишь? Слышишь, какую фигню несет?.. Так что на разум не надейся, он не спасение. Церковь права, веру надо ставить выше. Вера вопрошает, разум обнаруживает, как сказал святой Аврелий. Или Августин.

Я лег, подложив под голову седло. Сердце колотилось, гоняло кровь по большому и малому кругу. Мне казалось, что я раздуваюсь уже весь, уж слишком сильно от земли пахнет чувственностью. Теперь вижу, что в рождении гигантов нет ничего особенного, так и должно было получиться, когда Афина вырвала из бороды Гефеста клоч, брезгливо вытерла ногу и швырнула на землю.

По ту сторону костра вздыхал и шевелил прутиком уголья Сигизмунд, я услышал горестный шепот:

– Господи... почему такие прелестные всегда такие чудовища?

– Это их природа, – утешил я. – Ничего не поделаешь, это все Дарвин, Фрейд... Мы ж мужчины или не мужчины?.. Вроде бы гетеросексуалы... Или ты хотел бы, чтобы плясали голые мужики?

Лицо Сигизмунда выразило крайнюю степень отвратности.

– Какая мерзость!.. Вы такие гадости ухитряетесь говорить, сэр Ричард!

– А что? Могли бы и попробовать, в надежде, что... – я посмотрел на чистое, честное лицо молодого рыцаря, проглотил окончание фразы и сказал туманно: – Ну, словом, мало ли на что могли надеяться эти порождения... техногенного мира. Или совсем уж одичали, что не догадались даже попробовать?.. Как думаешь, если бы тут ехали амазонки, эти... порождения танцевали бы перед ними в виде... ну, скажем, вон та, что плясала перед тобой в облике застенчивой принцессы, перед амазонкой показалась бы в личине молодого и красивого рыцаря?

Он посмотрел на меня чистыми глазами:

– Рыцаря? Голого?

– Ну да, – подтвердил я нагло. – А что? Рыцарь тоже бывает голым. Или он в самом деле никогда не... Я понимаю, что настоящий мужчина с женщиной может даже не снимая лыж, но как мыться?..

Жаркая краска залила его лицо, вдруг сообразил, какую танцующую картинку можно нарисовать и какой именно рыцарь мог бы плясать в гнусном исполнении бесовских тварей.

– Ненавижу, – сказал он, скрипнув зубами. – Святая церковь искоренит это все... все! А кто такие амазонки?

– Рыцари-женщины, – объяснил я. – Давали обет безбрачия, брали оружие, садились на коней и совершали подвиги. Лишь однажды по достижении возраста они сходились с мужчинами, а забеременев, мужчин изгоняли, как дурных, похотливых и лживых существ. Странно, что ты о них даже не слыхивал.

Он покраснел, видно было, как потемнели щеки, напомнил виновато:

– Сэр Ричард, я же из медвежьего угла... Мне все, что рассказываете, диво дивное! А половины слов вообще не понимаю.

То-то и хорошо, мелькнула мысль. Ты хоть сваливаешь их незнание на свою медведистость, а другие уже готовы тащить меня в святейшую инквизицию.

Веки потяжелели, начали надвигаться с неотвратимостью движения планет по орбитам. Воздух над костром колыбался, подрагивал, я не сразу рассмотрел, что по ту сторону легкая тень собирается в фигуру молодой женщины. Тело налилось приятной тяжестью, я еще чувствовал, что лежу подле костра, что невдалеке Сигизмунд, за спиной развалины каменной стены, но через этот мир проступал другой, странный, где и небо голубое, и далеко впереди поблескивают окнами башни, и женщина уже во плоти, черноволосая, с жгуче-черными бровями, алым ртом и крупными глазами... да, она все отчетливее, танцует, это нечто ритуальное, танец все замедлялся и замедлялся, а она подошла ко мне, опустила на колени, тяжелые груди оттянули сорочку с глубоким вырезом.

Я протянул руку, она легла рядом, жаркая, теплая, сочная, хотя с виду тело как у накачанной шейпингистки. Я жадно вздохнул, она прижалась ко мне, я чувствовал только тепло и нежность от ее тела, а в моих руках оно таяло, как горячий воск.

Она прошептала мне на ухо:

– Не спеши... Я должна буду уйти...

Сладкая истома нарастала в моем теле, мне самому хотелось продлить эти очаровательные мгновения, я отдернул руки, спросил:

– Тебя зовут Санегерийя?

Она шепнула, смеясь:

– Да, но у тебя это звучит непривычно. Зови по началу имени или по концовке, как все делают.

– Саня, – сказал я, пробуя имя на слух, – Герия... Лучше Саня. Что-то связано с тем, как ты появляешься. Но буду и Герой, даже Ийей иногда звать, хорошо?.. Или Герией?.. Нет, Ийей лучше, что-то похожее на удивленный вскрик, потом отвисает челюсть и видишь тебя... вот такую красивую...

– Хорошо, милый, – шепнула она, трогая теплыми губами мое ухо. – Я счастлива с тобой... Ты смог мне дать то, что никто из мужчин...

Мощное желание затопило мозг, я ощутил знакомые толчки. Желанная женщина засмеялась с сожалением, ее тело начало истончаться, обретать воздушность, стало призрачным, наполнилось светом... и прежде, чем этот свет превратился в хмурый утренний свет, я успел подумать, что вот это призрачное тело я уже видел, уже мям в руках, входил в него с рычанием и жадным откликом на зов плоти.

Рассвет едва-едва осветил восток, воздух сырой и холодный, я закрыл глаза и постарался заснуть снова, только двумя пальцами оттопырил то место, что мокрым и уже почему-то холодным прикасается к ноге, пусть засыхает на внутренней стороне штанов, там уже много таких белых пятен. Что делать, наше тело – как осел: недокормишь – помрет, перекормишь – взбесится, а баланс выдержать не удастся.

Глава 6

Утром Сигизмунд был хмурым, невыспавшимся, очень печальным. Глаза то и дело поворачивались в орбитах, бросая взгляд на рукоять меча. Мечталось драться с чудовищами, слышать их крики, рубить и крушить во славу церкви, очищать мир, а вместо этого приходится сражаться с призрачными женщинами.

Впрочем, когда он походил вокруг костра расширяющимися кругами, обнаружил, что они не такие уж и призрачные. В одном месте землю испещрили следы копыт, острых когтей, в щелях между камней виднелись зеленоватые потеки быстро испаряющейся слизи. На массивном валуне в рост человека свежие царапины, какой-то зверь поточил когти, а на другом прилипли шерстинки и даже пара чешуек размером с ладонь.

Сигизмунд сперва повеселел, все-таки опасность в самом деле была велика, затем загрустил, это ж расстаться с образами прекраснейших женщин, я сказал, что все подобные радости еще впереди, он снова повеселел, расправил плечи, глаза заблестели готовностью схваток за дело Церкви и ее Господа.

Оглядел, как я одеваюсь, спросил с подозрением:

– Что это у вас, сэр Ричард, глаза сонные и вся спина исцарапанная?

– Ага, – ответил я, – всю ночь не спал... спину царапал. Ночь обнажает всю полноту чувств, сэр Сигизмунд. Господь, он мудро понимал, что мы – свиньи, не сможем все время быть чистыми и ясными, потому и создал ночь, чтобы человек немножко выпускал из себя скота и давал ему малость порезвиться. В этом нет ничего страшного, Господь понимает, что мы не можем без грешков, важно лишь, чтобы ночь не тащила в день, понимаешь?..

Он смотрел обалдело, помотал головой.

– Нет.

– Скота надо выдавливать из себя постепенно, – терпеливо объяснил я. – В смысле, грехи. А то были одни наивные души, что хотели сразу целую страну, да еще такую огромную, разом в царство небесное... Теперь заново капитализм строят.

Мы позавтракали, как обычно, холодным мясом с хлебом, закусили сыром и запили холодной ключевой водой. Кони вроде бы не голодные, Сигизмундов всю ночь хрустел сочной травой, а мой прибежал на свист, облизываясь, как волк. На морде кровь, похоже, охотился.

Сигизмунд поехал впереди, угрожающе выставив копье, длинное, как шлагбаум. Доспехи блестят тускло, над головой Балтийское море – серое, свинцовое, огромные волны неторопливо двигаются, догоняют одна другую и не могут догнать, северная часть неба вообще черная, непроницаемая, как туманность Угольный Мешок, дальше переходит в эту свинцовость. Я представил себе, как происходит всемирный потоп, это же просто стоит этой массе воды обрушиться вниз, что только ее удерживает...

Так двигались до полудня, уже подумывали о привале, кони устали, Сигизмунд вздернул голову, словно просыпаясь от сна, сказал с радостным удивлением:

– Замок...

Далеко, в трех-четыре милих от нас, на небольшом плоском холме возвышается замок. Зеленовато-серый, словно заплесневел, а может, и заплесневел, сегодня с утра воздух влажный и неподвижный. Холм и нижняя часть замка освещены странным желтоватым светом, но крыши и все башни чернеют на фоне разбушевавшихся свинцовых волн. На наших глазах из этих волн в башню ударила изогнутая молния, похожая на светящийся корень мандрагоры. Даже на таком расстоянии мы слышали злобное шипение электрического разряда. Молния озарила мир призрачным мертвым светом, неровным и трепещущим, словно перед источником света часто-часто взмахивала крыльями гигантская стрекоза. Разряд длился

непривычно долго, Сигизмунд громко призвал Имя Божье, его конь храпел и прядал ушами, но опасливо шел, мой двигался ровно и спокойно, словно сам привык подзаряжаться от молний и высоковольтных столбов.

Не успели наши кони пройти и полмили, как молния ударила снова, и опять в ту же башенку, не самую высокую, другие повыше и поближе, но молния с тупостью бледнолицего ломилась в ту же дверь. Наши кони, видя, что ничего не случается, двигались уже без понуканий, и тут молния ударила опять, я рассмотрел, что эта башенка хоть и не отличается от других башен, но только в ней окно, не бойница, а просто окно, распахнутое на всю ширь, именно туда и уходит изогнутый ствол светящегося дерева, толщиной с бедро.

Молния трепетала, шипела, бешено дергалась, колыхалась в верхней части, где острие как шпиль вспахивает небесные волны, заставляя их тоже светиться, но внизу дуга уходила именно в окно, только в окно, даже не задевала оконную раму.

– Странный замок, – проговорил Сигизмунд дрогнувшим голосом.

– Да, – согласился я с интересом. – Не отставай.

– Сэр Ричард, вам не кажется, что в этом замке могут оказаться... не совсем христианские сеньоры?

– Наверняка, – подтвердил я. – Трудно в таком непростом мире оказаться наверху холма. Сэр Сигизмунд, самые добродетельные люди, которых мы встречали, – это пастухи коз. Они воистину безгрешные... Ну разве что с козами балуются. Но с пастухами как-то общаться не совсем интересно, верно?

Он посмотрел на меня странно, не понял, но переспрашивать не решился. Кони с рыси перешли на галоп, учуяли близкий отдых. Замок как будто вырастал из зеленых зарослей карликовых деревьев, цветущего кустарника. В воздухе плыл сильный густой запах множества цветов. Я подумал, что здесь живут либо слишком беспечные, либо слишком уверенные в своем могуществе: в таких зарослях можно спрятать целую армию, обычно хозяева замков вырубают и выжигают кусты по крайней мере на два выстрела из дальнобойного лука, а то и больше.

Замок, как стало видно вблизи, – это комплекс зданий, башен, чего-то куполообразного, похожего не то на мечеть, не то на храм Христа Спасителя, башни и башенки, тонкие и толстые, но все башни и весь замок выстроены в едином стиле и явно одним архитектором, чувствуется вкус и странное изящество.

Мы объезжали замок по широкой дуге, Сигизмунд первый заметил и указал пальцем: – Дорога!

Хорошо укатанная дорога поднимается полого на холм, там в глаза бросились массивные ворота, но ведут не по ту стороны стены, а словно бы в гигантский храм. Мой конь, чувствуя инстинктивное нежелание заезжать в замок, поднимался на холм, но пугающе красными глазами смотрел вдаль, а когда я оторвался от созерцания замка и проследил за его взглядом, увидел в глубине долины коричневые домики, простые, незатейливые, а коричневые не из-за придумки дизайнера, а просто из коричневого камня, что сам лезет под руку.

Мы съехали вниз, там шумит и грохочет бурная река, прыгает через камни, собьет с ног. Дальше ниже по течению намного тише, разливается вширь, воды несет намного спокойнее. Я начал присматриваться к воде, где бы вброд, Сигизмунд по обыкновению молился, воздевал взгляды к небу, бормотал, вдруг воскликнул:

– Проклятые язычники!.. Что творят?

Впереди к краю высокого обрывистого берега двое дюжих мужчин подвели обнаженную женщину, конечно же – блондинку, хоть и с темными, как ночь, волосами. Один быстро и умело связал ей руки, другой что-то привязывал к ее ногам. Мне показалось, что камень, здесь еще не разработали технологию утапливать ноги в быстросхватывающий цемент.

В сторонке стояли и переговаривались богато и пышно одетые люди с разрисованными лицами. Отсюда их не рассмотреть, мы проезжали почти под самым обрывом, задирали головы, только и видели, что женщину повернули лицом к шумевшей внизу реке. Если просто спихнуть, упадет на острые камни, а высота каменного берега не меньше, чем пятиэтажного дома. Но камень...

Додумать я не успел, мужчины подхватили женщину, один взял за руки, другой за ноги, подбежал третий и ухватил камень. Раскачав, они швырнули ее с такой силой, что она описала крутую дугу, прежде чем ее понесло вертикально вниз.

– Язычники! – выругался Сигизмунд, как истинный сын церкви. Он начал неуклюже слезать с коня. – Мы не можем допустить...

Камень, а затем и женщина перелетели через наши головы и с силой ударились о воду. Я крикнул:

– Куда, дурак? Утонешь!

– Я не позволю...

Я выругался куда злее, соскочил с коня, сделал два быстрых шага и нырнул вниз головой, ибо уже видел, что вода чистая, а дна так и вовсе не видно. Холодная вода обожгла, как огнем. Я поспешно заработал руками и ногами, поймал взглядом жертву.

Женщина опускалась быстро, ее несло вниз вдоль каменной стены, изо рта сразу потянулась струйка серебристых пузырьков. Тяжелый камень наконец ударился о дно, замедленно взметнулся серый песок. Из темной пещеры высунулась огромная рыба, похожая на мутировавшего сома. Я поспешно ринулся к камню, девушка увидела меня, глаза безумные от ужаса, открыла рот, оттуда вырвались серебристые пузыри величиной с кулак.

Я показал ей знаками, чтоб закрыла рот, дура, блондинка чертова, а сам, как блондин, попытался ударить мечом по веревке. Вода затормозила, лезвие лишь коснулось натянутой как струна веревки. Рыба высунулась до половины, пасть приоткрылась, я с холодком внутри увидел три ряда острейших, как иглы, зубов.

Еще дважды попробовал перерубить веревку, пока не догадался просунуть меч под веревку и пилить снизу к себе. Вербка лопнула нехотя, тоже как в замедленной съемке. Я ухватил женщину, с силой оттолкнулся от дна, и мы понеслись вверх. От удушья уже темно в глазах. Дура-рыба выплыла из норы, я видел ее серое блестящее тело совсем близко, выставил меч, а когда приблизилась, уперся острием.

Чешуя рыбу защитила, но потом острое погрузилось по самую рукоять. Свет вверху разросся, мне показалось, что мы догоняем серебристые шарики воздуха, и когда грудь моя взорвалась в неистовом желании хватануть воздуха, мы вылетели на поверхность, я успел сделать глубокий выдох и даже полувдох, снова погрузился под воду, с усилием выдернул меч, но на этот раз высунулся уже умело, задышал, в два гребка подтащил женщину к берегу.

Сигизмунд орал и швырял в воду камнями.

– Рыба!.. Морской дракон!

– Не попади в глаз, – прохрипел я.

Женщина лежала на спине, я перевернул ее лицом вниз, подложив колено под живот, несколько раз нажал, из нее хлынула вода вперемешку с мелкими рачками и водорослями. Тут же я переложил ее на песок снова лицом вверх, начал делать искусственное дыхание рот в рот.

Сигизмунд перестал бросаться камнями, ибо морской дракон всплыл кверху брюхом, вокруг него расплылась, как нефтяная пленка, темная маслянистая жидкость. Женщина вздохнула и открыла глаза. Я замер, никогда еще не видел таких чистых лучистых глаз. Даже не обратил внимания, что она обнаженная, а то и вовсе голая, ибо женщину не одежда красит, а ее отсутствие...

– Теперь я понимаю, – сказал я, жадно хватая воздух широко раскрытым, как у той рыбы, ртом, – в чем замысел дьявола...

– В чем?

– А вот в этих бабах, – сообщил я.

– Соблазны?

Я перевел дух, объяснил:

– Еще какие! В моем мире... гм, в моем королевстве женщины весьма свободные особи. Чуть что не так – в рыло, а то и ногой в зубы. Нет, не мы им – они нам! Да сразу в рыло, ногой! Задней. У нас нет таких, чтобы вот так спасти, а она за тобой, как щенок, – преданно и счастливо... А что еще мужчине надо? Только, чтобы женщина восхищалась, смотрела снизу вверх.

Он смотрел на меня в задумчивости и печали. Потом перевел взгляд на спасенную. Она медленно приходила в себя, лицо все еще оставалось бледным, но молодость быстро берет верх, повернулась, окинула взглядом Сигизмунда, снова посмотрела на меня. Я увидел, что вот-вот это будет что-то вроде имплантинга или как его там, когда цыпленок или щенок считает мамой то, что увидит, когда впервые откроет глаза. Когда девушка обнаженная – это эротика, когда голая – уже порнография, но в этой есть то и другое, плюс нечто еще такое, что я тоже готов был разделить мир всего лишь на две категории: вот таких хорошеньких девушек и остальных уродов.

Я поднялся, холодный ветер в мокрой одежде пронизывал насквозь. Дрожь пробрала тело, я задрал голову, смотрел на высокий обрыв. Так уже собралась чертова тьма народу, все жестикулировали, верещали тонкими обезьяньими голосами и подобно бандарлогам суетливо указывали в нашу сторону.

– Надо подниматься наверх, – сказал я. – Но, сэр Сигизмунд, берите женщину на свое седло. Если сейчас же не въедем в город, меня разобьет насморк.

Он сказал с беспокойством:

– Почему я? Спасли вы...

– Я просто вместо тебя нырнул. В твоих бы доспехах... Словом, твоя идея, сам и расхлебывай!

Я свистнул, послышался грохот копыт, конь возник передо мной с горящими глазами и взлохмаченной гривой. Зубы, понятно, оскалены, у него шкура, как я уже понял, плотная, непроницаемая для воздуха, как у собаки, потому приходится раскрывать пасть, чтобы охладиться.

– Умница ты мой, – сказал я нежно и поцеловал в его нежные и мягкие, как протекторы КаМаЗа, ноздри. – Я тебя люблю, золотце мое эпоксидное...

Конь жадно подышал мне в ухо, прежний хозяин не баловал его лаской, а ласку все животные любят, вон как спасенная жметесь к Сигизмунду...

Я взлетел в седло, по очень крутому подъему поднялся наверх, не думал, что такое вообще возможно, но конь то ли выдвигал из копыт стальные клинья, то ли еще как, но мы поднялись наверх с такой же скоростью, как будто неслись по ровной степи.

Народу собралось не меньше трех десятков, но только человек пять из них крепкие мужики и при оружии, остальные же те, кого называют отцами города.

Они уставились на меня со страхом и возмущением, а я выпрямился в седле и сказал громко:

– Паладин Ричард Длинные Руки!.. Что был за обряд?

Они смотрели на меня так, как будто я показал им звезду шерифа и назвался агентом НКВД. Заговорил крупный дородный мужчина с сильным властным лицом, одетый тепло, несмотря на теплую погоду:

– Ежегодное приношение водяному богу!.. Чтобы река не пересыхала... Но как ты, дерзкий, осмелился...

Я вскинул руку, останавливая, сказал еще жестче:

– Ваш водяной бог убит. Спуститесь, он там кверху брюхом плавает. Что значит, сила Господня одержала верх и победила Зло его же оружием. Отныне рекомендую прекратить эти непотребства. По крайней мере до тех пор, пока не заведется в тех норах что-то еще. Или же сбрасывать таким же зрелищным образом рецидивистов, уголовников, клятвопреступников, гомосексуалистов, любителей кошек и других асоциальных... Рыбе все равно... Есть в вашем селе постоянный двор?

Они смотрели на меня обалдело, наконец один, посмысленнее, указал в сторону домиков:

– Доблестный паладин, у нас не село, а город, которому три тысячи лет. Он даже был однажды столицей неведомого государства, а сейчас, конечно... но постоянный двор есть, вон тот дом с красной крышей! Видите?

– Отыщу, – заверил я. – Спасибо за сотрудничество!

Я повернул коня и послал рысью к домикам, где краснокрыший выглядел выше всех. Хотелось галопом, но сдерживался, хотя зубы уже начали выбивать дробь. У самых домов Сигизмунд нагнал, спасенная впереди, как Аленушка на Сером Волке, склонив голову на рыцарскую грудь. Рыцарский плащ Сигизмунда, вернее, тот, который он именовал рыцарским, старый, поношенный и без креста, купленный на постоялом дворе, укутывал ее с головы до ног.

Постоялый двор почти пуст, только у колодца женщина с натугой крутит ворот, а у коновязи мужик повязывает к морде коня торбу с зерном. Никто не вышел встречать, Сигизмунд разрывался между долгом соскочить первым, принять моего коня, помочь мне сойти и всячески заботиться, ибо в его ранге он должен выполнять и обязанности оруженосца, и в то же время не знал, что делать со спасенной.

Я соскочил, набросил повод на крюк коновязи. Если мой конь захочет есть, сгрызет и столб, за спиной слышался вздох облегчения, это Сигизмунд спрыгнул и принимал на руки девушку. Я не стал смотреть, как она к нему прилепится и как он ее будет отдирать, толкнул дверь, в лицо приглашающе пахло смесью жареного лука с рыбой, наваристой ухой, хорошо прожаренным сомом. Похоже, сегодня рыбный день, водяной бог в ожидании невесты расщедрился на богатый улов.

Всего четыре стола, пусто, запахи идут со стороны кухни. Пока я раздумывал, сзади затопало, вошел мужик, кормивший коня, сказал почтительно:

– Чего изволите, сэр?.. Я хозяин этого двора.

– Прекрасно, – ответил я. – Сумеешь накормить двух мужчин и одну женщину?

– Конечно, сэр, – ответил он с некоторой задетостью. – Иначе зачем бы наш двор... Будь вас даже сто человек...

Он бросил взгляд на входящего следом Сигизмунда, поперхнулся, прикусил язык. Грудь молодого рыцаря украшал могучий красный крест, на сгибе левой руки шлем с красным крестом, и вообще крестоносность из сэра Сигизмунда буквально перла, а на лбу было написано крупными буквами, хоть и с ошибками, что он – верный слуга церкви.

– Ладно-ладно, – сказал я, – старший здесь я, а мне по фигу, какой магией разводишь огонь под котлами. Понял? Выполняй.

Он исчез, Сигизмунд взглядом указал на девушку, что пряталась под плащом и едва ли не залезла молодому рыцарю под мышку.

– Сэр Ричард...

– В комнату, – отмахнулся я. – Если ей идти некуда. Негоже молодой даме сидеть в корчме с двумя мужчинами. Хотя, мне кажется, как только ее родители дознаются...

Запахи пошли еще сильнее, теперь добавился аромат мяса. Пришла женщина, которая доставала воду из колодца, вытерла насухо стол, поставила крохотный кувшинчик с цветами, застенчиво улыбнулась, исчезла, уводя с собой девушку. Мы кое-как расселись, устраиваясь с мечами, топорами и молотом, и тут же хозяин вышел с кухни с подносом в руках. Еще издали посмотрел в сторону Сигизмунда с настороженностью, потом с надеждой на меня.

Пока он приближался, на подносе, как я заметил, в двух огромных мисках уха, я рассматривал само помещение. Вообще-то странная эта корчма, все приметы христианской атрибутики: зеркала и свечи, даже вроде бы просвирки, но в то же время вон у противоположной стены вырезанная из цельного столба фигура не то кобольда, не то огра. Добро бы только фигура, но у подножия колода, забрызганная кровью. Конечно же, на ней режут кур да гусей, как обычно, но все же подозрительно похоже на жертвоприношение...

Хозяин поставил поднос, начал перегружать миски на стол, я кивнул в сторону столба, поинтересовался:

– И богу свечка, и черту кочерга?

Он не смутился, ответил просто:

– Я не воин, ваша милость. Я, как лекарь, обязан обслуживать всех, не так ли?.. Потому мне нельзя принимать чью-то сторону.

– Дешевле, – сказал я резонно, – если ни тому ни другому.

Он покачал головой, вздохнул:

– В нашем мире так: как ты к кому, так и он к нам. Старые мудрецы говорят, что с людьми и богами поступать надо так, как хотел бы, чтобы эти сволочи поступали с тобой. Не угадаешь, к кому попадешь! Да и зачем вообще с кем-то ссориться?

– Тоже верно, – одобрил я. – А чего ты только рыбу принес?

Он сказал нерешительно:

– Так ведь... пост же... а вы – рыцари...

– А, – сказал я, – вот ты о чем!.. Тогда неси-ка что-нибудь из... чего-то другого, понимаешь? Я ведь не простой рыцарь, а паладин, не видишь?.. А паладины умеют творить чудеса. Не очень большие, но и мелочи могут скрасить жизнь.

Он сказал еще в большей нерешительности:

– Да, но...

– Неси, – велел я. – Все, что у тебя есть наготове. Если ты был готов накормить хоть сто человек, то нас накормить обязан. Все понятно?

Он ушел. Сигизмунд был уверен, что надолго, но хозяин тут же снова появился из кухни, словно его там ждали и сунули в руки поднос с уже заготовленными тарелками, мисками. Хозяин нес его, побагровев от натуги и сильно откинувшись всем корпусом назад.

Я проследил, как он ставит на стол огромный поднос, на нем плоское медное блюдо с огромной коричневой тушей раскормленного гуся, оранжевая корочка покрыта бисеринками жира, под ней чувствуется давление горячих недр. Мои ноздри сразу задергались, жадно улавливая дурманящий запах. Рядом такое же точно блюдо с аппетитно зажаренным поросенком. Кожица блестит, как покрытая лаком, подрагивает от напора ароматного пара.

Хозяин с поклоном замер, ожидая, что же будет, ибо молодой рыцарь побагровел, напрягся, готовый то ли выскочить из-за стола, то ли вовсе перевернуть его с нечестивыми в постные дни блюдами, а я, вспоминая запорожцев, сказал громко:

– Именем Господа перекрещаю порося в карася!.. А гуся – в форель. Все, сэр Сигизмунд, вы тоже можете есть! Как видите, это уже не поросенок, а большой и хорошо прожаренный карась. А карась – постная пища.

Сигизмунд всмотрелся в поросенка, на лице появилось жалобное выражение, он даже побледнел, сказал дрогнувшим голосом:

– Но я... все еще зрю поросенка...

– Как? – изумился я. – Сэр Сигизмунд, это на нас наводят морок, чтобы сбить с пути христианина!.. Или у вас недостаточно веры? Вон даже хозяин подтвердит, что перед вами карась!

Хозяин взглянул на меня изумленными глазами, потом на бедного рыцаря и сказал очень честным голосом:

– Карась, еще какой дивный карась!.. Отродясь такого карасистого карася не видел! Чудо, просто чудо!.. Кушайте, доблестный рыцарь, никакого греха на вас не будет! Какой же грех – есть такого карасевого карася?

Сигизмунд нерешительно отрезал заднюю лапу, начал жевать, лицо все еще напряженное, внушает себе, что обсасывает плавничок, а я сказал хозяину:

– А теперь вина!.. Сам понимаешь, под рыбу надо красное вино. Красное, понял?

Он поклонился, глаза его были, как океаны после потепления, полны глубочайшего уважения.

– Понял, доблестный сэр! Все понял.

Он исчез, отсутствовал долго, но когда принес кувшин, я сразу ощутил по его температуре, что хранился в самом глубоком погребе. Хозяин на моих глазах смел паутину с засохшими тельцами паучков со скрюченными лапками, сломал сургучную пробку.

– Как хорошо, – сказал я хозяину громко, – что ты пожертвовал бедным путникам этого гуся и поросенка... э-э... карася и форель, хотя готовил для себя... Вот возьми эту монету. Я, паладин, подтверждаю, что все, могущее накормить или обогреть усталых путников, – во благо и славу Господа.

– Аминь, – сказал Сигизмунд благочестиво, он явно принял мои слова за молитву.

– Ага, – подтвердил я.

Хозяин кивнул, что значило и «ага» и «аминь», но глаза расширились, а челюсть отвисла, когда рассмотрел, а потом и распробовал на зуб, что монета из золота.

– Да, – выдавил он с трудом, – во славу... гм... Вы надолго, благодетели?

– На ночь, – сообщил я с набитым ртом. – Не забудь покормить коней. Мы постояльцы мирные, хлопот не доставим. Переночуем и уедем.

Корочка хрустела, из разломов вырывались струйки горячего пара, обжигая пальцы. Я рвал мясо, сок стекал до локтей, мы с Сигизмундом пожирали молча и как на ристалище, кто управится со своим противником быстрее, чтобы прийти на помощь другу. Горячее мясо обжигало язык и пасти, сразу проваливалось в пищевод, а там желудок подпрыгивал и хватал, как пес, на лету, мгновенно проглатывал и смотрел в жадном нетерпении: ну где же еще, почему так долго, что там за ленивец засыпает на ходу?

Отяжелевшие, мы время от времени прикладывались к кувшину, пока хозяйка не догадалась принести по медной чаше. Сигизмунд спросил ее сипло, не успев проглотить очередной кусок:

– Как там... леди?

– В комнате, – ответила хозяйка. – Чистенькая такая комната... Я сама принесла ей поесть. Хорошая девушка. Я ее знаю, она младшая дочь шорника с третьей улицы. У него их шестеро, вот младшую и определили...

Я отпустил ее кивком, Сигизмунд задумался, я сказал с облегчением:

– Ну вот и эту пристроили!.. Не фиг ей здесь рассиживаться, могла бы и сразу домой. Впрочем, понимаю, нужна некоторая реабилитационная программа для жертв насилия. Ладно, пусть поест, помоеся... хотя последнее лишнее, как думаешь?..

Сигизмунд сказал с упреком:

– Сэр Ричард, я слышу в вашем голосе шуточки в адрес этой несчастной, а это нехорошо!

– Да. Но это только типа шуточки, – согласился я, – но не сама шуточка. Я в самом деле ей глубоко сочувствую. Она еще молодец, никакого визга! Приняла все достойно. Как и то, что в жертву, так и освобождение.

Он просиял, как будто я расхваливал долго и самозабвенно его самого.

– Она превосходный человек, превосходный!

– Согласен, – сказал я, – вообще, у женщины нет недостатков, пока не похвалишь ее перед подругами. Но ее подруг здесь нет, а мы с тобой видим только милашку с хорошенькой мордочкой. Да еще и блондинку!

Сигизмунд заподозрил подвох, спросил подозрительно:

– Да, волосы просто золотые... И что?

– Когда же ты поймешь, что блондинка – это не цвет волос?

Глава 7

Мы разливали остатки вина по чашам, когда хлопнула дверь, ввалились трое поджарых мужчин, покрытых пылью, усталых. Они заняли ближайший к выходу стол, сразу же потребовали вина промочить пересохшие глотки, а еду потом, потом. Хозяева засуетились, а мы допили свое и отправились наверх, провожаемые заинтересованными взглядами. Судя по плотному загару, эти трое с юга, с очень далекого юга.

В просторной комнате на втором этаже, что отвели нам для ночлега, крупнозадая служанка стелила постели. У нее оказалась настолько пышная подпрыгивающая грудь, что едва не вываливалась из глубокого выреза. Я совершенно не запомнил ни лица, ни фигуры, вообще ничего не запомнил, а она, быстро управившись, хотела проскользнуть к выходу, но я ухватил за руку и, глядя в низкий вырез платья, спросил:

– А где девушка, что была с нами?

– Она... – ответило там, немного выше груди, хотя голос звучал низкий, грудной, – ее уже увели... Хозяйка тут же сообщила родне. Пришли родители, сестры. Она плакала и не хотела уходить, но утащили...

Я сказал с облегчением:

– Вот видишь, Сигизмунд, а ты уже собирался жениться!

– Да я, – пробормотал он, – не совсем так уж, чтоб... Но если родители ее приняли обратно, то...

Я отпустил руку служанки, такую пухленькую и горячую, словно я уже держался за ее грудь, служанка благодарно пискнула и ускользнула, унося роскошные полушария. Я краем глаза заметил, как смотрит Сигизмунд, подумал, что да, женское платье должно так плотно обтягивать грудь, чтобы дыхание перехватывало у мужчины, ибо мужчина больше всего в женщинах ценит три достоинства: лицо и грудь, ведь грудь – это лицо женщины!

Я со вздохом облегчения опустил на ложе, что поближе к окну.

– Ты прав, Сиг, не в грудях счастье, а в их количестве...

Сигизмунд явно хотел возразить, что он такого не говорил, но из почтительности не рискнул, покряхтел и подтащил лежанку ближе к двери, он очень серьезен в роли вассала, который обязан жизнью защищать своего господина. Я раскинул руки и ноги, распустил мышцы, отдаваясь отдыху, рассеянный взгляд зацепился за крохотного паучка, тот пробежал по стене, устроился на подоконнике. Я начал присматриваться к нему внимательнее, что-то царапнуло изнутри, по спине пробежал предостерегающий холодок.

– Сэр Ричард, – донесся встревоженный голос Сигизмунда, – что-то случилось?

– Полагаю, да, – ответил я.

Он в мгновение ока оказался посреди комнаты с обнаженным мечом в руке, пригнулся, развел руки, глазами шарил по комнате, бросал быстрые взгляды на окно и дверь.

– Опасность?

– Еще не знаю, – ответил я, – но была... и была очень большая.

Паучок сидел смирно, из таких засадников, что не плетут сети, а либо прыгают из засады, либо бросают лассо, а то и метко швыряются каплей клея на длинной нити. Обычный такой паучок, если на взгляд Сигизмунда или хозяина корчмы, но я-то вижу, что у этого паучка всего шесть ног!.. Я нарочито присматривался внимательно, чтобы не попасться, как Пантагрюэль, тьфу, Паганини, когда тот потерял очки и не заметил, что неуклюжий негр попросту оторвал пару лап у пойманного в дебрях Африки паука...

Сигизмунд проследил взглядом за мной, спросил шепотом:

– Этот паук... что с ним?

– Не бывает шестиногих, – ответил я. – Это не жук и не муравей. Это паук!

– Сэр Ричард... полагаете, он не настоящий? Волшебство?

– Ага...

– Злое?

– Еще какое, – ответил я и зябко повел плечами, словно над ухом затрещал счетчик радиации. – Но оно было... раньше. Паук... просто попал под удар.

Паучок внезапно подобрался, приник брюшком к струганому дереву. Я увидел на той стороне оконного косяка толстую жирную муху, наглую и сытую, с белым раскормленным брюхом, такими становятся осенью, когда приходит пора откладывать яйца, а сейчас еще тощие...

Сигизмунд тихонько ахнул. Паучок исчез, просто исчез, а не прыгнул или скакнул, но в то же самое время муха свалилась, дрыгая лапами, а паучок уже у нее на загривке, холицеры вонзились ей в раскормленный загривок, разом перекусив хорду.

– Чудо? – прошептал он и перекрестился.

Я молчал в затруднении. Пауки прыгают не силой мышц, они умеют нагнетать кровяное давление в лапах в десятки раз, благодаря чему такой стремительный прыжок, но все равно чересчур быстро. То ли паучок умеет замедлять время, то ли овладел телепортацией на ограниченные расстояния. Скорее всего, телепортация.

– Не совсем, – ответил я тоже шепотом. – Но мы вторгаемся в южные земли, сэр Сигизмунд...

– Но где еще христианские земли!

– Уже с вкраплениями, – уточнил я. – Злое... многолико, сэр Сигизмунд.

Сон долго не шел, а ночь, как назло, оказалась жаркая, душная, словно мы не вступили на краешек южных земель, а уже забрались на самый что ни есть южный полюс. Заснули оба, как отрубившись, чуть ли не под утро, но очнулись посвежевшие, бодрые, выспанные. Рассвет едва брезжил за окном, я вскочил, быстро оделся.

Сигизмунд проснулся на мгновение позже, но сразу такой виноватый, словно это он поджег рейхстаг или плюнул на святые реликвии.

– Сэр Ричард...

– Нам осталось ехать пару суток, – ответил я. – Если не будем засиживаться по значным местам. Одевайтесь, сэр Сигизмунд! Тише едешь – хрен приедешь!

Я говорил зычно, уверенно, сам собой залюбовался, хоть щас в майоры, именно в майоры, это ж майоры везде зычные и наглые, хоть и туповатые, зато популярные, слово-то какое-то поганое – популярные, почему-то сразу задница перед глазами, нет – в паладинах лучше...

Сигизмунд долго и мучительно облачался в доспехи, я даже хотел помочь, но он отчаянно взмолился, я ж его позорю, это он обязан помогать мне в одоспешивании.

В корчме за столами пусто, только вчерашняя служанка, повернувшись к нам крупногабаритным задом, вытирает большой цветной тряпкой столы. Пахнет кислым, запах ухи уже выветрился, со стороны кухни громко булькает.

Заслышав звяканье металла, служанка подпрыгнула, схватила со стола две палки, так мне показалось, поспешно загородилась ими, держа крест-накрест. Я не понял, были это какие-то священные предметы или же просто первые попавшиеся палки, но она изображала ими именно крест. Белейшая грудь двумя полушариями выступает над тонким краем платья, а в талии платье настолько туго перетянато поясом, что я подумал, как бы заставить ее кашлянуть или хотя бы чихнуть.

Сигизмунд сказал поспешно:

– Мы не тролли!.. Вот смотри!

Он быстро перекрестился. Девушка перевела испуганный взгляд на меня. Я хоть и смотрел на ее грудь, дивное творение природы, но понял немой вопрос.

– Тебе одного недостаточно?

Она поколебалась, медленно опустила свой крест на стол. Теперь я рассмотрел, что это обыкновенные скалки для раскатывания теста в лепешки. Когда наклонилась, я увидел в узкую щель между ее грудями нежный и белейший, как у придонной рыбы, живот, соблазнительные валики, даже впадинку пупка.

– И что? – спросил я с недоверием. – Это помогает?

Она все еще смотрела исподлобья, пробормотала с неохотой:

– Говорят, что если с верой, то помогает...

– Но ты не очень-то уверена в своей вере, – сказал я понимающе. – Верно? Чего ты такая испуганная? На постоялом дворе что-то не так?

Она отступила на шаг, в глазах появился страх.

– Вы тоже из таких...

– Именно я? – спросил я. – А он?

Она бросила короткий взгляд на Сигизмунда, потрясла головой, груди с готовностью заколыхались из стороны в сторону.

– Он – нет. А вы, ваша милость, весь в невидимой броне. Только она у вас там... внутри.

– Кто?

– Вера.

Я кивнул Сигизмунду.

– Смотри, независимый свидетель подтверждает, что вера у меня все-таки есть, хоть ты и сомневаешься. Молчи, молчи!.. Я же по морде лица вижу... А ты, дорогуша, ведьмочка... если брать мерку отцов инквизиторов. У паучка шесть лап, а у тебя вот такое умение пробудилось. А кто еще из... закрытых на постоялом дворе?

Она снова потрясла головой.

– Ни одного. Только вы закрытый, я других не встречала. Странные – да...

– А это что такое, странные?

Она пожала плечами.

– Странные, просто странные. Они отличаются от других, но они тоже как все.

Я сказал внятно, рассматривая ее пристально:

– Ну, если брать шире, то кобольды, гномы, эльфы, огры – тоже как все. В смысле, как все люди. Только и того, что чуть более странные.

Сигизмунд переводил отчаянный взгляд с меня на девушку и обратно, не мог понять, как я могу такое говорить, это же не всерьез, это военная хитрость, а служанка, в свою очередь, смотрела на меня пытливо, не понимая, насколько я говорю то, что думаю.

– Да, – сказала она нерешительно, – я не могу сказать, где начинаются не люди. Это пусть решают другие, умные. Они решают, кто правильные или неправильные, а я решаю, кто хороший, а кто нет. Для нас, простых людей, это важнее. Так что я только смотрю, к кому можно подходить близко, к кому нельзя... Некоторых ночью подпускать нельзя и близко. Нехорошие они. И совсем уже не люди. Днем люди, а ночью... ночью – нет.

Я улыбнулся как можно доброжелательнее.

– А к нам?

Она оглядела нас исподлобья, неожиданно усмехнулась, на щеках появились милые ямочки.

– Вы тоже, ваша милость, ночью меняетесь... как все мужчины. Но не больше. А вот те, кто приехал после вас...

Она осеклась, побледнела. Рука Сигизмунда метнулась к рукояти меча. Я перехватил его за кисть.

– Сиг, оно нам надо? Если останавливаться, чтобы бросить камень в каждую лающую на тебя собаку, никогда не доберешься до цели. А эти трое ни разу даже не гавкнули!

Кони пошли споро, сразу рысью, застучали копыта, в лицо пахло почти еще ночной прохладой. Некоторое время мы ехали навстречу разгорающейся заре, потом обогнули холм и понеслись на юг. Кони охотно сорвались в галоп.

Одинокие деревья-великаны, что встречались даже среди вроде бы безжизненной степи, начали собираться в группки. К полудню мы уже двигались между крупными рощами, деревья все как на подбор, каких бы в гвардию к их лесному королю. Я почти не удивился, когда впереди замаячила зеленая гора, я так и считал, что гора, пока не подъехали еще на пару миль и я сообразил, что зеленая гора покоится на очень тонком основании. Правда, тонком с расстояния миль в пять, но чем ближе мы подъезжали, тем сильнее мурашки вгоняли коготки в загривок. Сперва ствол показался мне с основание Останкинской телебашни, но когда подъехали еще на две-три мили, я сообразил, что рекорд будет побит по крайней мере вдвое.

Сигизмунд повернулся в седле, гремя железом, правая рука красиво указала чуть в сторону.

– Не лучше ли сперва вон туда?

Домик показался самым обыкновенным, чистый и ухоженный, но чем ближе мы подъезжали, тем тревожнее мне становилось. Вокруг домика заросли цветов, самых разных, я не очень в них разбираюсь, отличаю только по цвету и размеру, но показались слишком уж ухоженными, высокосортными.

Кони остановились перед окнами. В глубине за чистой занавеской мелькнуло, словно крупная птица взмахнула крыльями. Занавеска колыхнулась, мы ждали, наконец Сигизмунд по моему кивку громко постучал в оконную раму.

– Есть кто-нибудь?

Дверь отворилась, на пороге показался немолодой человек, одет опрятно, седые волосы не распущены, как у всех колдунов и отшельников, а подрезаны коротко и довольно аккуратно. Он с любопытством смотрел на гостей, наконец развел руками.

– Простите, – сказал он дружески, – я людей не видел уже несколько лет... Отвык, знаете ли. Слезайте, будьте гостями.

Он не выказывал ни страха, ни особого интереса, что меня насторожило, я соскочил с коня, сказал любезно:

– Спасибо за приглашение. С удовольствием воспользуемся. Мы захватили с собой кое-что для ужина, так что охотно с вами поделимся...

Пауза была нарочитая, он сразу уловил ее смысл, отмахнулся.

– Вы насчет огородов? Да кому они нужны?

– Но вы не похожи на охотника, – заметил я.

Наши взгляды встретились, в его глазах опять же ни страха, ни смущения.

– Мне пропитания хватает, – ответил он коротко. – Вы можете не вытаскивать ваш сыр... ого, целых три круга?.. мясо, рыбу... правда, от хлеба не откажусь, у вас, как погляжу, ржаной?

Сигизмунду передалась моя подозрительность, он слезал с коня медленно, старался не поворачиваться к странному отшельнику спиной. Тот сдержанно улыбался, пригласил жестом в дом. Сигизмунд искал, к чему бы привязать коня, но ближайшие деревья далеко, просто стреножил. Мой конь равнодушно взглянул на цветы, я перехватил острый взгляд отшельника, внимательный и оценивающий.

– Как насчет моего коня? – поинтересовался я. – Вы, как погляжу, не только в цветах разбираетесь?

Он кивнул, глаза стали серьезными.

– Жизнь учит, – ответил он. – Вот с вами столкнула, тоже чему-то научусь. А конь у вас особый... Такие были выведены еще до Седьмой Великой Войны. Некоторые говорят даже, что не выведены, а созданы, хотя мне такое слово непонятно... в отношении живых существ.

– Седьмой Войны магов?

Он покачал головой.

– Их для доступности всех называют магами, – ответил он просто, сердце мое екнуло. – Но только последняя из войн велась уже магами.

– А кто воевал раньше?

Мы вошли в дом, но я не видел помещения, сердце стучало так, что кровь бросилась в лицо, а в глазах появился розовый туман. Отшельник внимательно смотрел мне в лицо.

– Ну... как вам сказать... предпоследняя шла между гендеями и ацентами. Маги, правда, уже появились, но были чересчур слабыми и мелкими. Но когда гендеи и аценты почти уничтожили весь мир, а друг друга истребили начисто, маги быстро захватили освободившиеся места под солнцем. Гендеи и аценты, как говорится в хрониках, владели могуществом земли, могли вызывать из Котла неслыханные силы...

– Из Котла?

Он пожал плечами, улыбка была извиняющаяся.

– Так сказано в древних хрониках. Якобы в центре земли находится Котел, в котором заперты силы, перед которыми ничто не сравнится... Бред, конечно, но, возможно, это иносказание... Вообще история между Шестой и Седьмой войнами очень туманная, от той эпохи дошли самые невнятные легенды. Странно, больше известно о Пятой эпохе, когда миром правили озируэллы. Те вообще брезговали ступать на землю, вся их сила была от звезд, жили в летающих городах, были бессмертными и неуничтожимыми...

– Но что-то их уничтожило?

Он развел руками.

– Это лишь говорит, что ничего вечного нет. Правда, есть слухи, что не все погибли, часть сумела уйти обратно к звездам...

На столе появился туго свернутый рулон белой материи, раскатился в скатерть из тончайшего полотна. Отшельник, поглядывая на меня испытующе, произнес несколько отрывистых резких слов. Над столом сгустился воздух, начали возникать узорные блюда, пахло печеным, жареным, вяленым, тушеным, очень красиво и гармонично стали появляться всевозможнейшие блюда.

Сигизмунд смотрел с отвращением, хватался за крест, шептал молитву, но перекрестить не осмеливался, я еще в дороге запретил вмешиваться: все решаю я, паладин, как ближе стоящий к Богу и Церкви. Отшельник посматривал с интересом, глаза его бросали острые взгляды то на Сига, то на меня, губы двигались, слова вылетали с разными интонациями, разной тональности, пальцы тоже вязали непонятные мне узоры.

– Мы неплохо позавтракали, – сообщил я, – но сейчас уже время обеда, а стол у вас заглядение.

– Я рад, что вам понравилось. Вы в самом деле... христиане?

– В самом прямом, – заверил я. – Но мы в Великом Искусе. Идем к великой цели, преодолевая соблазны, а слава нас потом найдет. Может быть, посмертно.

Он сказал с сомнением:

– Да, интересно... А что ищете здесь?

– Просто идем мимо, – сообщил я. – У вас немалая мощь. Думаю, не только в этом... накрывании стола. Но почему здесь? Почему не в городе, где можно помогать людям... или вредить, строить или ломать, просвещать народ или, напротив, вгонять в дикость и цивилизацию?

Сказал и сам устыдился, вспомнив всех буддей и христосов, что уходили в леса, искать универсальные ответы. Отшельник следил за моим лицом, кивнул.

– Да, вы угадали. Мне еще рано. Рассчитываю потом огрести больше. Вы обратили внимание на Дерево?

По тому, как он произнес это слово, мы с Сигизмундом сразу поняли, о каком дереве речь. Сигизмунд молча и красиво ел, отрабатывая манеры, я поинтересовался:

– Оно чем-то интересно помимо размеров?

– Вы сами это знаете, – ответил маг спокойно. – Уже то, что другие не могут вырасти и в десятую его часть... значит, что дерево необычное. Что не просто дерево, а Дерево. Я предполагаю, что появилось в эпоху между Четвертой и Пятой войнами. Правда, один странствующий мудрец высказал неприятную идею, что война как-то преобразила самое обыкновенное дерево, оно выжило, когда все остальные погибли, и вот теперь продолжает расти... Оно в самом деле все еще растет, я здесь уже... гм... давно, провожу тщательные замеры. Да, растет. Когда-то либо проломит земную кору своей тяжестью и провалится до самого Котла, либо же начнет выпускать добавочные корни-ветви и станет опираться на множество стволов. Тогда в конце концов покроет всю землю.

Я зябко пожал плечами.

– Неприятная перспектива!

– Не скажите, – возразил он. – Я знаю целое племя, которое этого страстно бы желало.

– Кто?

Он задумчиво посмотрел на кувшин. Тот приподнялся, завис над чашей, полилась тугая бордового цвета струя. Когда чаша наполнилась, кувшин благовоспитанно опустился на место и застыл, как вышколенный лакей. Я ожидал, что маг и чашу поднимет взглядом, но то ли побоялся расплескать, то ли еще чего, но взял по-человечьи, руки дряблые, высохшие, как птичьи лапы, отхлебнул.

– Внутри Дерева живут люди, – произнес он. – Да, там такие дупла, что обитают не семьями, а родами. Можно сказать, там разместилось племя. Когда-то это была одна пара чудаков, теперь же...

Наши взгляды встретились. Я сказал:

– Вы ждете вопроса, почему они живут в Дереве? Считайте, что я спросил.

– Они живут внутри этого Дерева, – повторил старый маг задумчиво. – Даже не знаю... завидовать им... или жалеть их?

– А что в их жизни не такое, как у нас?

Он пожал плечами.

– Смотря что рассматривать. В основе все то же самое, что и у нас. Рождаются, живут, страдают, умирают. В промежутках женятся, выращивают потомство. Которое тоже страдает, живет долгую жизнь, потом умирает...

– А в чем различие?

Он с грустной усмешкой посмотрел на меня.

– Они живут столько, сколько Дерево, в котором поселились.

– Ого, – сказал я, – такое огромное дерево живет лет тыщу, да? Или десять тысяч, как бабо... ебо... ладно, секвойя!

– Тысячу? – повторил он с презрительным недоумением. – Это даже не смешно. Тут есть травы, что живут по сотне лет. Я знаю деревья, возраст которых под сто тысяч. А Дерево, вы понимаете, вообще уникально.

– Ого, – сказал я уже громче. – Так кто же откажется... Гм, а как насчет того, что пере-ехать, скажем, в город?

Он посмотрел на меня с заметно выросшим уважением.

– Сэр, вы сразу берете дракона за гребень. Да, живут долго, но только пока внутри Дерева. Нет, не только именно внутри, но должны питаться только соками и мякотью Дерева... у него древесина весьма усвояемая, уверяю вас!.. а также должны спать в хорах, что внутри Дерева.

– Ага, – пробормотал я, – какая-то замкнутая экосистема. Возможно, даже симбиоз. Дерево дает приют людям, но и от них что-то требует. Это понятно, точно так же поступает бамбук с муравьями... да и тысячи других растений с разными жучками-паучками.

Маг спросил заинтересованно:

– Простите, я никогда о таком не читал в древних книгах мудрости...

– Да что читать, – отмахнулся я. – Вот выйдем на любую лужайку, я вам покажу десятки примеров симбиоза. В смысле, взаимопомощи между растениями и насекомыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.